

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ОГУЗОВ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ 2-Й ПОЛ. IX – 1-Й ПОЛ. XI В.

Культура и этногенез средневековых огузов, как известно, имеет отношение к истории целого ряда современных тюркоязычных народов Востока. Ушедшие в XI в. в ходе сельджукского движения в Закавказье и Малую Азию огузы приняли непосредственное участие в формировании азербайджанского и турецкого народов. Оставшиеся в Средней Азии и Иране явились важнейшим слагаемым в процессе консолидации туркменской народности. Значительные группы огузского происхождения влились также в состав казахов, узбеков, каракалпаков, башкир и поволжских татар. Прямыми потомками огузов в Восточной Европе являются живущие в Молдавии, Болгарии и частично в Западной Украине гагаузы. Таким образом, исследование истории огузов имеет большое международное значение.

Нет сомнения, что решению ряда спорных проблем ранней истории огузов поможет исследование археологических памятников средневековых кочевников, населявших во 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. степи Северного Прикаспия (рис.1). Физико-географические условия этого региона хорошо известны и неоднократно воспроизводились в соответствующей литературе (Доскач А.Г., 1979; Демкин В.А., Лукашов А.В., 1985, 1993).

Основные отличительные особенности погребального обряда огузов, кочевавших в указанное время на территории Северного Прикаспия, выделены В.А.Кригером и В.А.Ивановым, соответственно в кандидатской и докторской диссертациях, на основе анализа 93 погребальных комплексов (Кригер В.А., 1985; Иванов В.А., 1990). Выводы исследователей были обобщены в нескольких небольших статьях (Кригер В.А., 1986, 1993; Иванов В.А., 1993) и в настоящее время, в целом, не требуют ревизии. К основным особенностям погребального обряда огузов, как известно, относятся следующие признаки: преимущественно, впускной характер совершаемых захоронений, сооружение простых, в основном прямоугольной формы, могильных ям от 0,5 до 2,2 м глубиной, вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад с сезонными отклонениями к северу и югу, наличие в могилах разнообразных деревянных конструкций – перекрытий, гробов, подстилок и т.п. Отмечены, но, в целом, не признаны характерными положение погребенных вытянуто на боку, восточная ориентировка, использование загробной

пищи, а также угольные и меловые посыпки (табл.1-2а, 5, 5а).

Новые раскопки и учет памятников Волго-Донского междуречья и районов Сарпинской низменности, неиспользованных в свое время ни В.А.Кригером, ни В.А.Ивановым, позволил нам учесть известные в настоящее время уже примерно 240 комплексов и случайных находок, происходящих из 232 погребений IX-XI вв. огузо-печенежского круга (каждый скелет в парных и коллективных погребениях учитывался нами как отдельная счетная единица). Сбор материалов ограничивался степной зоной Северного Прикаспия в пределах современных территорий Республики Калмыкии, Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областей Российской Федерации, Актюбинской, Атырауской и Западно-Казахстанской областей Республики Казахстан. Дополнительно рассматриваются захоронения из курганов кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи Ростовской области (рис.1). Близкие к кочевническим погребальные памятники, расположенные на территории лесостепных районов Республики Башкирии, в данной работе не учитываются.

Важнейшей особенностью огузского погребального обряда в настоящее время большинством исследователей признается также наличие в женских и детских погребениях (1-я половозрастная группа, далее 1-я ПВГ) довольно необычных предметов: копоушек, птицевидных и крыловидных нашивок, привесок (рис.2), достоверное практическое назначение которых до сих пор остается невыясненным. Всего в настоящее время среди общего количества учтенных материалов известно археологически достаточно полноценно изученных 30 комплексов (включая 2 захоронения из курганов 37 и 59 кочевнического могильника у Саркела), а также 10 случайных находок предметов вышеуказанного круга, происходящих из разрушенных погребений с неполностью сохранившейся информацией (табл.1, 1а, 3, 4, 9, 9а). В одну общую обрядовую группу с ними мы объединяем также 29 погребений и 3 случайные находки, содержащие в составе могильного инвентаря свинцовые грузики-пломбы, костяные пряслица (?), бубенчики, ножицы, зеркала и некоторые другие категории бытовых вещей, но без вышеуказанных этнографически значимых предметов (табл.2, 2а, 3). Таким образом, общее количество захоронений, составляющих

1-ю ПВГ средневековых памятников Северного Прикаспия, насчитывает в настоящее время 56 скелетов, происходящих из 55 погребений, а также 13 случайных находок. Пять арабских монет-подвесок 954/955 и 958/959 гг., присутствовавших в составе инвентаря погребения на дюне у с.Лапас, надежно датируют все эти вещи 2-й пол. X в. (Филипченко В.А., 1958, с.236-242). В это время в степях и полупустынях Северного Прикаспия безраздельно господствовали именно огузские племена. Данная территория носила тогда название Дешт-и-Огуз и полностью входила в состав раннефеодального государства огузских ябгу (Агаджанов С.Г., 1969, с.37-42).

Как известно, еще Г.А.Федоров-Давыдов установил, что копоушки и нашивки представляют собой локальный признак исключительно восточных районов Южнорусской степи IX-XI вв. – Поволжья и Южного Приуралья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.141-142). Малочисленность известных в его время погребений с подобными вещами не позволила тогда исследователю сделать какие-либо основательные выводы об этнической принадлежности данной группы вещей.

Подробный искусствоведческий анализ копоушек и нашивок был проделан Л.М.Гаврилиной. Она сделала вывод, что все эти украшения могут принадлежать лишь какой-то одной конкретной этнической группе из состава печенежско-огузского круга и должны рассматриваться в качестве ее узкого этнографического индикатора (Гаврилина Л.М., 1985, с.224). К сожалению, Л.М.Гаврилиной не

был выявлен полный круг погребений, сопровождавшихся данными украшениями, а, кроме того, некоторое количество таких памятников было раскопано уже позже выхода в свет ее статьи. Не пыталась она и анализировать особенности погребального обряда памятников, содержащих рассматриваемые вещи. В результате была упущена крайне перспективная возможность комплексного разрешения вопроса. Эта проблема была решена В.А.Кригером. Выделив на территории степей Заволжья и Приуралья для IX-XI вв. две группы захоронений, различающихся между собой локальными и частными особенностями погребальной обрядности, наиболее распространенный тип погребения В.А.Кригер сопоставил именно с огузским этносом. С погребальной обрядностью огузов он связал также находки копоушек, нашивок и привесок, которые рассматривал, вслед за Ф.Х.Арслановой, как символы распространенного у кочевников обряда почитания женского божества Умай (Кригер В.А., 1985, с.12-18; 1986, с.125-128; 1993, с.138-140). В 1990 г. к аналогичным выводам в своей диссертации пришел и В.А.Иванов (Иванов В.А., 1990, с.36). Таким образом, связь комплексов 1-й ПВГ с культурой огузов представляется в настоящее время наиболее убедительной. Заметим, однако, что ни В.А.Кригер, ни В.А.Иванов в своих работах детально не занимались вопросами относительной хронологии выделенных ими в степях Северного Прикаспия археологических памятников IX-XI вв. Весь известный им материал они датировали X-XI вв., что на сегодняшний день не может быть доста-

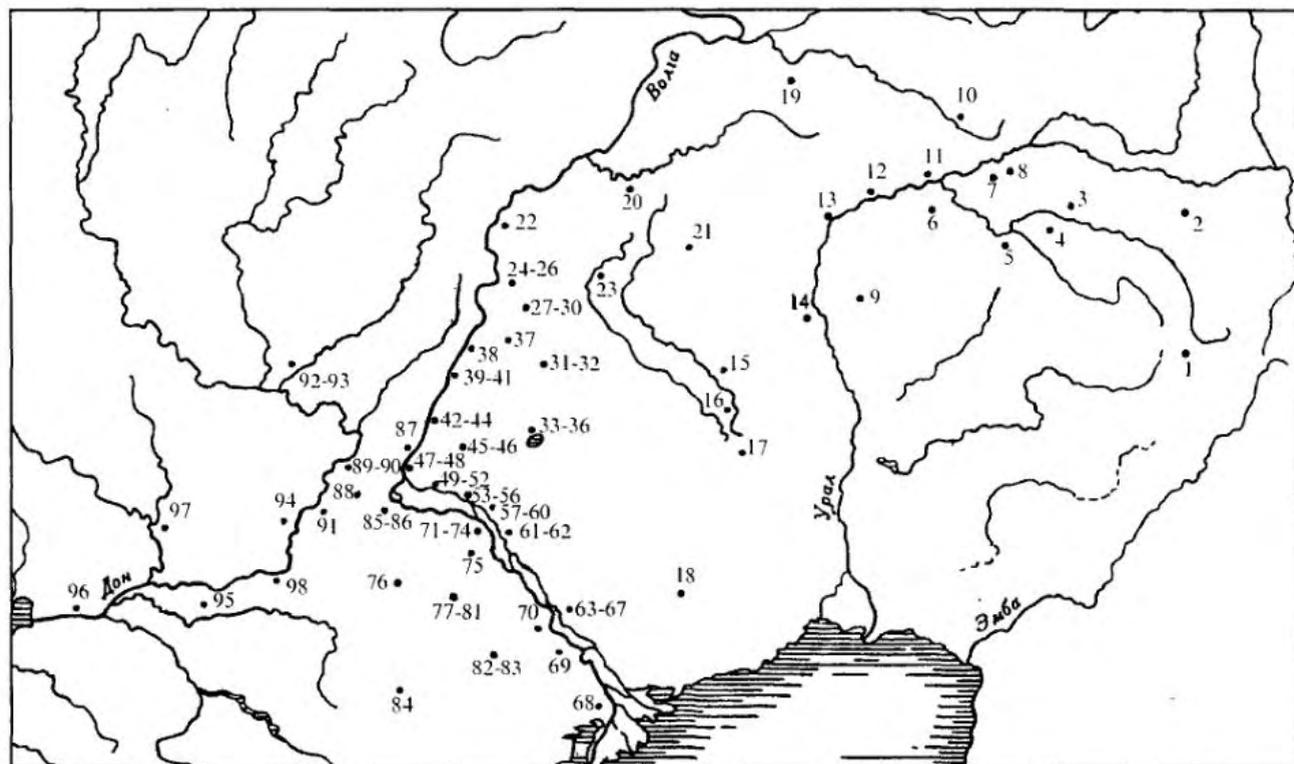

Рис. 1. Распространение погребальных памятников 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. в степной зоне Северного Прикаспия. 1. Болгарка (Гуцалов С.Ю., 1993), Атра (Гуцалов С.Ю., 1988). 2. Акбулак (Зарецкий И.А., 1941). 3. Кумакский (Смирнов К.Ф., 1956), Увак (Федорова-Давыдова Э.А., 1969). 4. Тамар Уткуль (Горбунов В.С., Васильев В.Н., Иванов В.А., 1983). 5. Покровка (Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л.Т., 1993). 6. Жарсуат (Железчиков Б.Ф., 1998). 7. Нежинское (Кривцова-Гракова О.А., 1928). 8. Алебастрово, Ханская могила (Нефедов Ф.Д., 1899). 9. Челкар (Кушаев Г.А., 1968; Максимов Е.К., 1969; Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999). 10. Кольчево (Мажитов Н.А., Рутто Н.Г., 1974). 11. Яман (Иванов В.А., 1993). 12. Рубежка (Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980). 13. Уральск (Кригер В.А., 1979). 14. Янайкино (Кригер В.А., 1979). 15. Сары Айдин (Синицын И.В., 1956), Карасу (Кушаев Г.А., 1974, 1975; Кокебаева Г.К., 1980). 16. Кос Оба (Кригер В.А., 1979; Железчиков Б.Ф., 1998). 17. Кара Оба (Синицын И.В., 1956). 18. Асат Бай (Мелентьев А.Н., 1967). 19. Васильевка, Кировский, Волчанский (Васильева И.Н., 1979, 1985). 20. Гришанкин (Гарустович Г.К., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998). 21. Светлое Озеро (Ляхов С.В., 1997). 22. Сухая Саратовка (Ляхов С.В., 1997). 23. Алексаикино (Мельник В.И., 1977). 24. Ровное (Синицын И.В., 1966). 25. Фриденберг (Рыков П.С., 1926). 26. Мирное (Ляхов С.В., 1997). 27. Новая Квасниковка (Ляхов С.В., 1997). 28. Блюменфельд (Гарустович Г.К., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998). 29. Кано (Кушева-Грозевская А., 1928), Шульц (Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926). 30. Торгунское (Лукашов А.В., 1982). 31. Громки (Мамонтов В.И., 1977). 32. Комсомольский (Мамонтов В.И., 1976). 33. Ченин (Лукашов А.В., 1980). 34. Красная Деревня (Лукашов А.В., 1981; Хабарова Н.В., 1998). 35. Эльтон (Лукашов А.В., 1983, 1984, 1985). 36. Приозерное (Лукашов А.В., 1985). 37. Солянка (Скворцов Н.Б., 2000). 38. Быково (Смирнов К.Ф., 1960; Мерперт Н.Я., 1967). 39. Верхний Балыклей (Скрипкин А.С., 1980; Яворская Л.В., 1997). 40. Степана Разина (Мерперт И.Я., 1967). 41. Новоникольское (Ильина А.И., Шишкин П.Н., 1929; Шилов В.П., 1975; Komantseva A.S., 1977; Гаврилина Л.М., 1991). 42. Рахинка (Кригер В.А., 1985а; Гаврилина Л.М., 1987). 43. Верхнепогромное (Шилов В.П., 1957, 1958, 1975). 44. Калиновский (Шилов В.П., 1959). 45. Красный Октябрь (Новожиллов В.В., Клепиков В.М., 1997). 46. Маяк Октября (Комаров А.М., Мамонов А.В., Овчинникова Н.В., 1990; Лукашов А.В., 1991). 47. Волжский (Мыськов Е.П., 1983, 1993). 48. Кляковка (Мыськов Е.П., 1985, 1993). 49. Средняя Ахтуба (Шилов В.П., 1958; Конкин В.Н., 1969). 50. Заяры (Шишкин П.Н., Ильина А.И., 1928; Гарустович Г.К., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998). 51. Заплавное (Шилов В.П., 1958). 52. Пятнадцатый поселок (Шилов В.П., 1958; Гаврилина Л.М., 1991). 53. Бахтияровка (Кригер В.А., 1983, 1984). 54. Ленинск (Шилов В.П., 1956; Хабарова Н.В., 1998). 55. Маляевка (Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А., 2001). 56. Царев (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993). 57. Солодовка (Мыськов Е.П., 1993). 58. Зубовка (Мамонтов В.И., 1990). 59. Колобовка (Спицын А.А., 1895; Мамонтов В.И., 1973; Сергацков И.В., 1999). 60. Журов (Круглов Е.В., 19926). 61. Успенка (Шнайдитейн Е.В., 1989). 62. Батаевка (Пигарев Е.М., 1997). 63. Сероглазово (Рыков П.С., 1929). 64. Хошеутово (Гаврилина Л.М., 1985). 65. Лапас (Филипченко В.А., 1959). 66. Досанг (Рыков П.С., 1929). 67. 473-я верста (АКМЗ, инв. № 4917-4920). 68. Тинаки (Арзютов Н., 1933), Лбище (Васильев Д.В., 1993), Волжский, Астрахан. обл. (Пигарев Е.М., 1997). 69. Косика (Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1984), Петропавловка (Шнайдитейн Е.В., 1991). 70. Никольское (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989). 71. Старица (Шилов В.П., 1960, 1961). 72. Капитанский (Шилов В.П., 1964). 73. Черноморский (Шнайдитейн Е.В., 1970). 74. Барановка, Астрахан. обл. (Шнайдитейн Е.В., 1970; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989). 75. Кривая Лука (Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская И.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1975; Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А., 1976; Дворниченко В.В., Малиновская И.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981). 76. Ханата (Шнайдитейн Е.В., 1985). 77. Купцын Толга (Шнайдитейн Е.В., 1981). 78. Большой Царын (Цуцкин Е.В., 1977). 79. Дюкер (Цуцкин Е.В., 1982). 80. Эвдык (Шилов В.П., 1983). 81. У-85 (Барун) (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1985). 82. Яшкуль (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1986). 83. Цаган Уси (Шилов В.П., 1987). 84. Элиста (Синицын И.В., Эрдниева У.Э., 1971). 85. Закапальный (Мамонтов В.И., 1967). 86. Химкомбинат (Мамонтов В.И., 2000а). 87. Олень (Круглов Е.В., 19896). 88. Степаневка (Мамонтов В.И., 1990), Новый Рогачик (Мамонтов В.И., 1979). 89. Ильевка (Мамонтов В.И., 1970). 90. Вертячий (Мамонтов В.И., 1978, 1979). 91. Первомайский (Мамонтов В.И., 2000). 92. Трясиновский (Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 1993). 93. Букановский, Никольевка (Цыбин М.В., 1986). 94. Алешкин (Гуренко Л.В., 1993). 95. Ясырев (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974). 96. Таловая (Раев Б.А., 1979). 97. Головка (Раев Б.А., 1979). 98. Саркел (Плетнева С.А., 1963).

Fig. 1. Spreading out of funerary monuments in the second half of IX th – first half of XI th cc. in the North-Caspian Lowlands steppe zone.

Abb. 1. Die Verbreitung der Grabdenkmäler in der zweiten Hälfte des IX. – ersten Hälfte des XI. Jhs. in der Steppenzone im Nördlichen Kaspigebiet.

Dess. 1. Expansion des monuments funéraires, deuxième moitié du XI siècle dans la zone de steppes de la basse contrée du Nord de la mer Caspienne

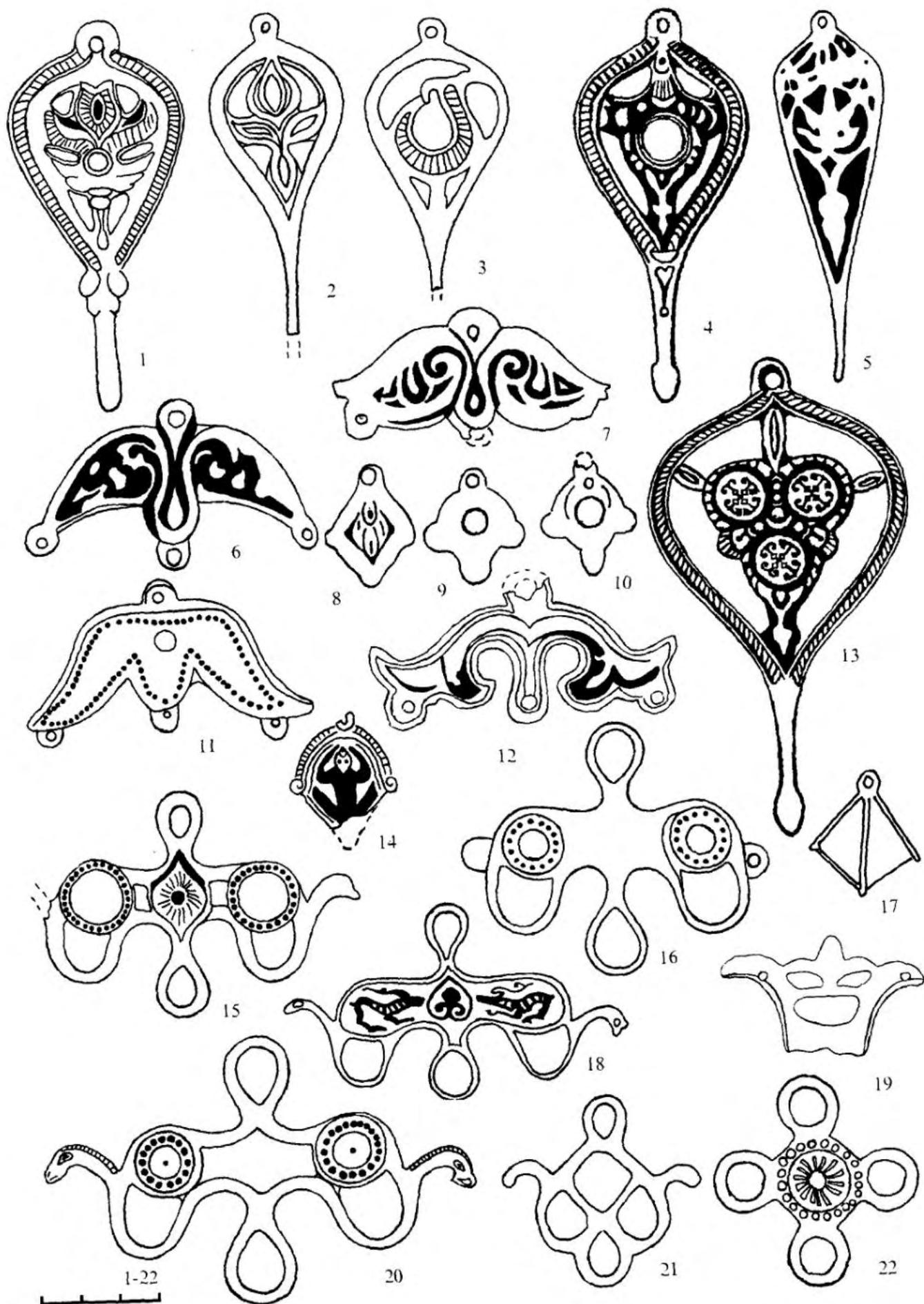

Рис. 2. Основные предметы этноопределяющего характера из погребений огузов Северного Прикаспия. 1-5, 13 – копоушки I-VI; 6, 7, 11, 12 – крыловидные нашивки Д II: 7 – Д II а; 6, 11 – Д II б; 12 – Д II в; 15, 16, 18, 20 – птицевидные нашивки Д III: 20 – Д III а; 15 – Д III б; 16, 18 – Д III в; 19 – нашивка Д X; 21 – нашивка Д IV; 22 – нашивка Д V; 8-10, 14, 17 – привески V-VII. Типы выделены на основе работ Г.А.Федорова-Давыдова, Л.М.Гаврилиной и В.А.Кригера (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Гаврилина Л.М., 1985; В.А.Кригер, 1993). 1-22 – бронза.

1, 6, 21 – Лапас, АКМЗ, б/н; 2 – Зakanальный, 4/4 (ВОКМ, инв.№ 27194/1); 3, 14, 15 – Средняя Ахтуба, сл. н. (ВОКМ, инв.№ 5867); 4 – Верхнепогромное-I, 1/3 (Шилов В.П., 1975, с.44, рис.34, 12); 5 – Заплавное, 3/6 (ВОКМ, инв.№ 5840/4); 7-10 – Сухая Саратовка, 1/5 (СОМК, инв.№ 39881); 11, 16 – Колобовка, 1893 (Спицын А.А., 1895, рис.49, 50, ГИМ, инв.№ 34570/15, 19); 12 – Карасу-I, 11/2; 13 – Эльтон-85, 7/1; 17 – Верхнепогромное-I, 3/4 (Шилов В.П., 1975, с.55, рис.42, 1); 18 – Петропавловка (?), депаспортизирована (АКМЗ, б/н); 19 – Карасу-I, 6 (Кригер В.А., 1993, с.143, рис.1); 20 – Старица, 21/5 (АКМЗ, б/н); 22 – Степана Разина, 1/10 (ВОКМ, инв.№ 5787/3).

Fig. 2. Main objects of ethnographic character from of Oguz interments of the North-Caspian Lawlands. 1-5, 13 – copoushky (sort of drop-shaped amulet) I-VI; 6, 7, 11, 12 – wing shaped decorative stripes Д II: 7 – Д II а; 6, 11 – Д II б; 12 – Д II в; 15, 16, 18, 20 – bird-shaped stripes Д III: 20 – Д III а; 15 – Д III б; 16, 18 – Д III в; 19 – stripes/tabs Д X; 21 – stripes/tabs Д IV; 22 – stripes/tabs Д V; 8-10, 14, 17 – pendants V-VII. Types distinguished on the grounds of works by G.A.Fedorov-Davydov, L.M.Gavrilina and V.A.Kruger. 1-22 – bronze.

Abb. 2. Hauptgegenstände ethnographischen Charakters aus den Ogusengrabstätten im Nördlichen Kaspigebiet. 1-5, 13 – Kopouschki (Amulett in Tropfform) I-VI; 6, 7, 11, 12 – flügelartige angenähte Darstellungen Д II: 7 – Д II а; 6, 11 – Д II б; 12 – Д II в; 15, 16, 18, 20 – vogelförmige angenähte Darstellungen Д III: 20 – Д III а; 15 – Д III б; 16, 18 – Д III в; 19 – angenähte Darstellungen Д X; 21 – angenähte Darstellungen Д IV; 22 – angenähte Darstellungen Д V; 8-10, 14-17 – Anhänger V-VII. Typen sind auf Grund der Werke von G.A.Fedorov-Davydov, L.M.Gavrilina und V.A.Kruger eingeteilt. 1-22 – Bronze.

Dess. 2. Objets essentiels de caractère ethnographique des tombeaux des Ogouzes de la région du nord de la Mer Caspienne. 1-5, 13 – copouchkies (parures en forme de goutte) I-VI; 6, 7, 11, 12 – galons en forme d'aile Д II: 7 – Д II а; 6, 11 – Д II б; 12 – Д II в; 15, 16, 18, 20 – galons en forme d'oiseau Д III: 20 – Д III а; 15 – Д III б; 16, 18 – Д III в; 19 – galons Д X; 21 – galons Д IV; 22 – galons Д V; 8-10, 14, 17 – pendeloques. Les types sont relevés sur la base des travaux de G.A.Feudorov-Davydov, L.M.Gavrilina et de V.A.Kruger. 1-22 – les bronzes

точным условием для движения вперед в области изучения печенежско-торческих памятников.

С тех пор данная проблема практически никем не разрабатывалась. В результате, вплоть до настоящего времени, корпус собственно огузских погребений остается не определен, не очерчена территория распространения раскопанных захоронений, не разработана типология погребального инвентаря, не решены вопросы хронологии известных памятников, остается неясным общее соотношение культуры огузов с культурами других кочевых и полукочевых народов, также населявших территорию северокаспийского региона, а именно: хазар, болгар, печенегов и венгров. В результате, средневековые погребения IX-XI вв. до сих пор интерпретируются исследователями, как правило, как огузо-печенежские в целом, либо еще шире, как позднокочевнические.

Важным признаком погребального обряда огузов является сопровождение умершего костями коня: черепом и частями ног. Основной отличительной особенностью именно огузского по-

гребального обряда, выявленной в свое время еще С.А.Плетневой и подтвержденной исследованием В.А.Кригера, является так называемое вертикальное соотношение положения коня, сопровождавшего покойного, и человека. Головы и шкуры коней укладывались огузами над останками погребенных, в насыпях могильных ям, на перекрытиях, на крышках гробов или колод, на ступеньках (Приложение, признаки 36-37).^{*} Пространственно-горизонтальное соотношение останков погребенных и ритуальных животных, т.е. расположение их в могилах на одном уровне рядом друг с другом, в научной литературе было признано нехарактерным для огузов. К аналогичным выводам пришел и автор данной работы (Круглов Е.В., 1989а, с.35-36; 1994, с.38-40). Из 56 погребальных комплексов 1-й ПВГ захоронений 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. Северного Прикаспия, сопровождающихся копоушками, нашивками, привесками, свинцовыми грузиками-пломбами, бубенчиками и сопутствующими им другими бытовыми вещами, 33 скелета сопровождалась черепом и ногами коня, местоположение

^{*} Здесь и далее указываются выделенные нами номера признаков погребальной обрядности огузов (см. Приложение: Характеристика погребального обряда средневековых кочевников Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в.).

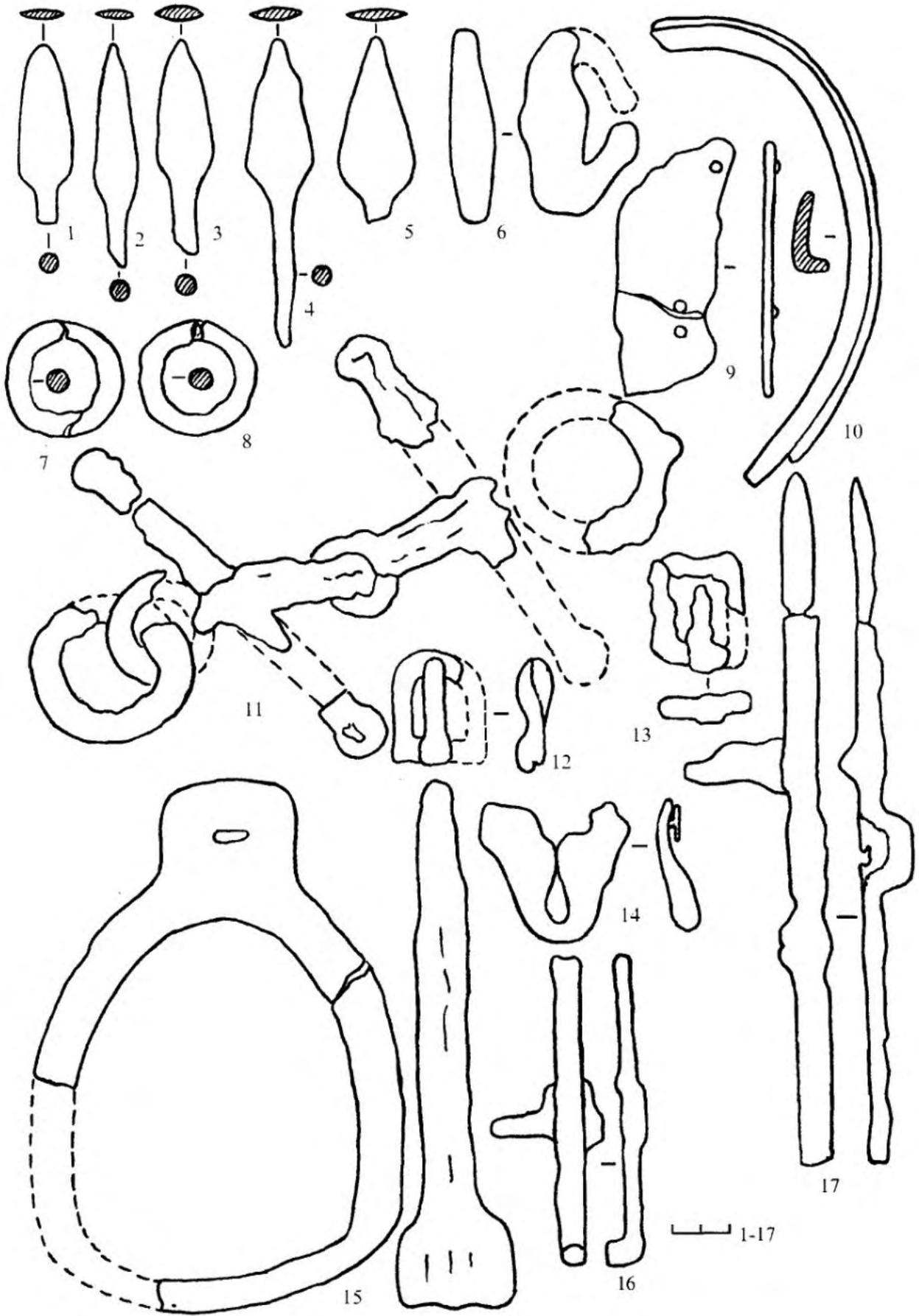

Рис. 3. Эталонный погребальный памятник огузов 2-й пол. X в. Курганный могильник у пос.Ченин Палласовского района Волгоградской области. Курган № 8, погребение № 4. 1-5 – *наконечники стрел*; 6 – *кресало*; 7, 8 – *кольца для стягивания ремней*; 9, 10 – *окантовка дна деревянного сосуда (?)*; 11 – *удила*; 12, 13 – *пряжки*; 14 – *крепление петли для подвешивания сумки*; 15 – *стремена*; 16, 17 – *крепления боковых сторон колчана*. 1-17 – *железо*.

Fig. 3. Standard funerary monument of the Oguz, the second half of the Xth century. The burial mound near settlement of Chenin (Pallasovsky district, Volgograd region). Tumulus N°8, interment N°4. 1-5 – *arrow heads*; 6 – *steel (formerly used for striking fire)*; 7, 8 – *rings to tighten belts*; 9, 10 – *wooden vessel bottom edging (?)*; 11 – *bits*; 12, 13 – *buckles*; 14 – *loop fastenings to hang up a bag*; 15 – *stirrups*; 16, 17 – *quiver sides fastenings*. 1-17 – *iron*.

Abb. 3. Musterdenkmal der Beerdigungskultur der Ogusen der zweiten Hälfte des X. Jhs. Hügelgrabstätte bei der Siedlung Tčenin, Rayon Pallassovka, Gebiet Wolgograd. Hügelgrab Nr. 8, Grabstätte Nr. 4. 1-5 – *Pfeilendstücke*; 6 – *ein Reibstein (zum Feuerschlagen)*; 7, 8 – *Ringe für Riemenzusammenziehen*; 9, 10 – *Umrandung eines Holzbehälterbodens (?)*; 11 – *Gebiss*; 12, 13 – *Schnallen*; 14 – *Halterung der Schlinge für das Aufhängen der Tasche*; 15 – *Steigbügel*; 16, 17 – *Halterung der Seitenwände des Köchers*. 1-17 – *Eisen*.

Dess. 3. Le monument d' étalon de la culture funéraire des Ogouzes à la deuxième moitié du X siècle. Le tombeau en terre près du site Tchenine du district Palassov de la région de Volgograd. Terre № 8, tombeau № 4. 1-5 – *pointes des flèches*; 6 – *briquet*; 7, 8 – *anneaux à serrer les courroies*; 9, 10 – *encadrement du fond de vase en bois (?)*; 11 – *mors*; 12, 13 – *fibules*; 14 – *fixation du noeud pour suspendre un sac*; 15 – *étriers*; 16, 17 – *fixations des côtés d'un carquois*. 1-17 – *fers*

которых в могилах достоверно было зафиксировано в 26 случаях. Во всех 26 конские останки находились выше уровня залегания погребенных. Они располагались в засыпи могил, на крышках гробов или колод, на перекрытиях, ступеньках (Болгарка, 1/3; Быково-II, 3/5; Верхнепогромное-I, 1/3; Верхний Балыклей-II, 7/1; Волжский-II, 2/4; Дюкер, 27/9; Заплавное-I, 3/6, скелеты 1 и 2, 3/7; Калиновский, 12/19, 42/1; Карасу-I, 11/2; Киляковка, 4/1 и 4/2; Колобовка, 1893 г.; Никольское-V, 1/4, скелет 2; Приозерное, 4/1; Саркел, 37; Средняя Ахтуба, 1/3 и 1/5; Старица 21/5, 30/4, скелеты 1 и 3; Сухая Саратовка, 1/5; Увак, 10/2; Эльтон-85, 7/1; табл. 1а, 2а, 9а). В частично нарушенных комплексах из Асат Бая-III, Батаевки, Карасу-I, 4/6 Б и 6/1, Маяк Октября, 1/1 и Успенки соотношение человека и коня достоверно не было выяснено. В погребении Быково-I, 10/16 кости двух ног животного лежали рядом с берцовыми костями ног человека. Нижняя часть скелета женщины была нарушенной: одни кости ее ног находились выше основной части скелета, другие – ниже. Перепад высот местоположения отдельных костей составлял 0,4-0,6 м (Смирнов К.Ф., 1960, с.201-202).

Наиболее ярко и выражено обряд положения останков коня выше уровня залегания человека оказался зафиксирован в богатых мужских захоронениях военно-кочевой знати (Быково-I, 16/9; Верхний Балыклей-II, 5/1; Заплавное-I, 3/3; Кривая Лука-XV, 2/6; Купцын Толга, 46/5; Маяк Октября-91, 4; Никольское-V, 1/4; Новоникольское-I, 7/13; Пятнадцатый поселок, 3/7; Рахинка, 3; У-85 (Барун), 4/2; Ченин, 8/4), составляющих основу 2-й обрядовой половозрастной (мужской) группы (далее 2-я ПВГ) захоронений кочевников 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. сте-

пей Северного Прикаспия. Всего в этой группе учтено 93 археологически достаточно полноценно исследованных захоронения (табл.5, 5а). С этими материалами могут быть сопоставлены погребения из курганов 5, 16, 35/2, 41, 43, 45, 48, 53, 54 Саркельского кочевнического могильника (табл.9, 9а). Наиболее полную характеристику предметов погребального инвентаря захоронений этой группы иллюстрируют материалы погребения Ченин, 8/4, исследованного А.В.Лукашовым на границе Эльтонской и Бессточной равнин (рис.3-5; 6, 2). Специфическое сочетание орнамента и форм блях поясной и сбруйной ременной гарнитуры и накладок ножен сабли данного комплекса позволяет отнести его ко 2-й пол. X в. – периоду наивысшего могущества Огузского государства.

Захоронения с достоверно зафиксированным расположением сопровождающего ритуального животного на одном уровне с человеком (предполагаемый печенежский признак), погребения с невыясненным или неопределенным обрядом, случайные находки, а также материалы Саркельского могильника рассматриваются отдельно (табл.6, 6а, 7, 7а, 8, 8а, 9, 9а).

Значительная часть погребений 1-й ПВГ сопровождалась предметами сбруи, стременами, удилами, седлами, а в нескольких случаях и уздечными наборами, зачастую украшенными разнообразными, но достаточно специфическими серебряными и бронзовыми накладками. Подробно типология украшений ремней конской сбруи, обнаруженных в материале интересующих нас средневековых погребений, была рассмотрена Л.М.Гаврилиной (Гаврилина Л.М., 1987, с.54-68; 1991, с.147-155; 1993, с.77-85). Так как эти предметы оказываются абсолютно аналогичными тем, которые встречаются

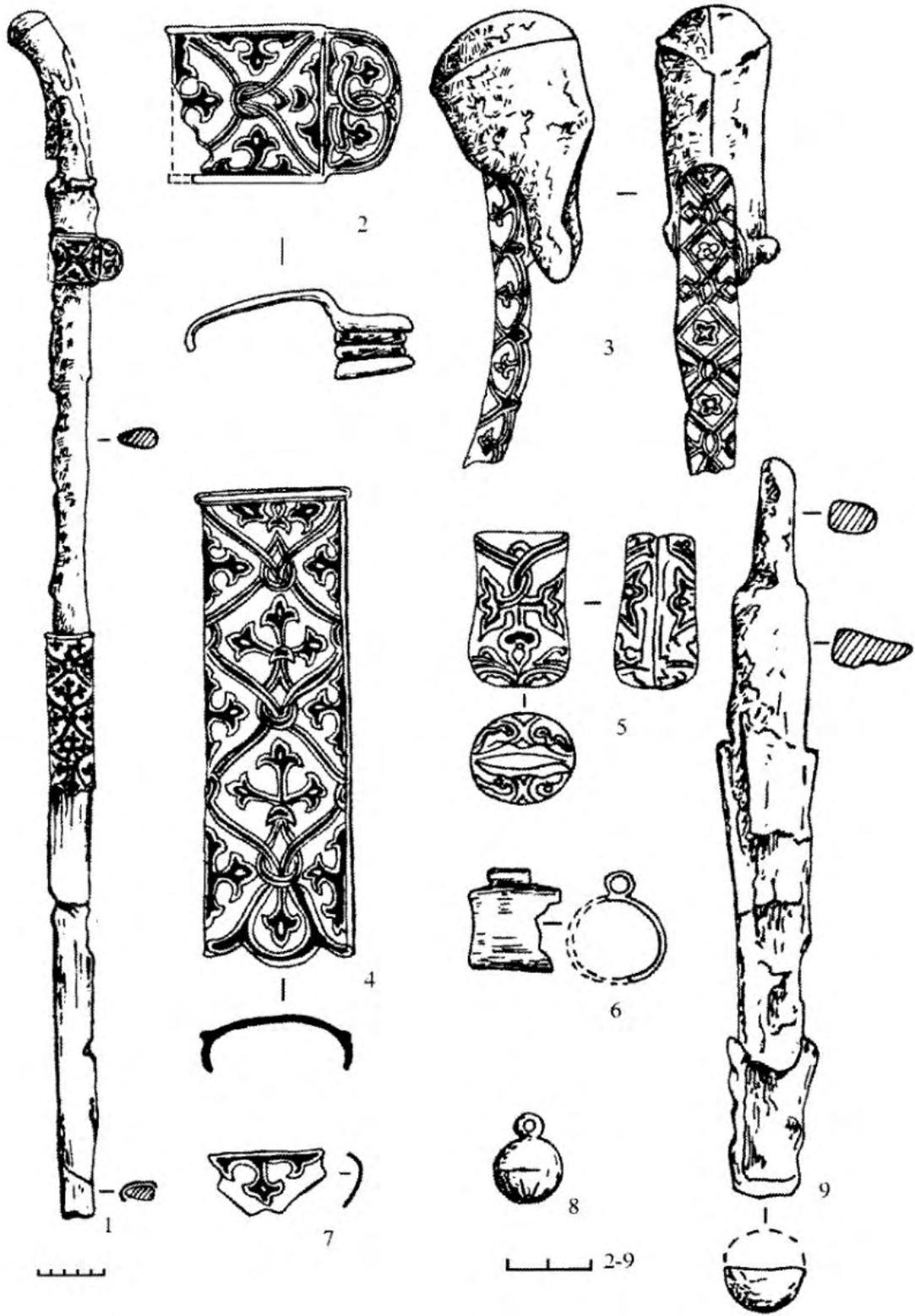

Рис. 4. Эталонный погребальный памятник огузов 2-й пол.Х в. Курганный могильник у пос.Ченин Палласовского района Волгоградской области. Курган № 8, погребение № 4. 1 – сабля; 2, 4, 7 – обкладки ножен сабли; 3 – навершие рукояти сабли; 5 – обойма; 6 – оболочка; 8 – бубенчик; 9 – кинжал. 1, 3, 9 – железо; 2-5, 7 – серебро, чернение, позолота; 6, 8, 9 – бронза.

Fig. 4. Standard funerary monument of the Oguz, the second half of the Xth c. Burial mound near settlement of Chenin (Pallasovsky district, Volgograd region). Tumulus N°8, interment N°4. 1 – *sabre*; 2, 4, 7 – *facing of the sabre scabbard*; 3 – *sabre hilt cover*; 5 – *charger*; 6 – *casing*; 8 – *cymbal*; 9 – *dagger*. 1, 3, 9 – *iron*; 2-5, 7 – *silver, blackening, gilding*; 6, 8, 9 – *bronze*.

Abb. 4. Musterdenkmal der Beerdigungskultur der Ogusen der zweiten Hälfte des X. Jhs. Hügelgrabstätte bei der Siedlung Tčenin, Rayon Pallassovka, Gebiet Wolgograd. Hügelgrab Nr. 8, Grabstätte Nr. 4. 1 – *Säbel*; 2, 4, 7 – *Säbelscheideauskleidung*; 3 – *Säbelgriffüberzug*; 5 – *Kappe*; 6 – *Schale*; 8 – *Glöckchen*; 9 – *Dolch*. 1, 3, 9 – *Eisen*; 2-5, 7 – *Silber, Schwärzen, Vergoldung*; 6, 8, 9 – *Bronze*.

Dess. 4. Le monument d'éталон de la culture funéraire des Ogouzes à la deuxième moitié du X siècle. Le tombeau en terre près du site Tchenine du district Palassov de la région de Volgograd. Terte № 8, tombeau № 4. 1 – *sabre*; 2, 4, 7 – *appliques de la gaine du sabre*; 3 – *partie haute de la poignée du sabre*; 5 – *frette*; 6 – *enveloppe*; 8 – *sonnaile*; 9 – *poignard*. 1, 3, 9 – *fers*; 2-5, 7 – *argenterie, fers oxydés, dorure*; 6, 8, 9 – *bronzes*

также и в погребениях 2-й ПВГ, это позволяет нам объединить их обе в одну большую культурно-хронологическую обрядовую группу (примерно 165 комплексов) и всю ее связать с этнической культурой огузов. Реальное существование группы доказывают материалы коллективных погребений мужчин и женщин из Колобовки, 1893 г., Старицы, 30/4, Никольское-V, 1/4 (Спицын А.А., 1895, с.89-91; Шилов В.П., 1961, с.98-102; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с.108-115). Кроме этого, часть захоронений, не сопровождающихся частями коня, зафиксированных как в степи, так и в Саркельском кочевническом могильнике, а также некоторые комплексы с неопределенным погребальным обрядом (табл.7, 7а, 8, 8а, 9, 9а), скорее всего, также являются огузскими.

Погребения, интерпретируемые как огузские, идентичны немногочисленным захоронениям 2-й группы памятников средневековых кочевников Северного Причерноморья, выделенных в отдельный тип С.А. Плетневой (Плетнева С.А., 1958, с.161-162). В большинстве деталей и этнографических подробностях они полностью совпадают с особенностями погребального обряда гузов, описанного в нач. Х в. Ибн-Фадланом (Ковалевский А.П., 1956, с.126).

К уже устоявшимся в научной литературе характеристикам погребального обряда огузов в настоящее время мы можем добавить еще несколько важных особенностей (Круглов Е.В., 2001, с.59-62).

Форма курганов и характер устройства могил

Ряд курганов, в которых были зафиксированы огузские погребения, имеют слегка вытянутую, а, порой, даже очень значительно, подовальную форму (Барановка, 23; Большой Царын, 3; Верхнепгромное-I, 3, -II, 15; Заплавное-I, 3; Калиновский,

1, 4, 12; Красная Деревня, 15; Кривая Лука-V, 4, -VI, 1; Ленинск, 3, 4; Никольское-V, 1; Новоникольское-I, 7; Покровка-II, 1, -УИИ, 1; Трясиновский, 1; У-85 (Барун), 1; Цаган Усн-VII, 4; Эльтон-83, 7, -85, 7; Яшкуль-86, 1; табл. 1-2, 5-8, признак 2). Зафиксированные перепады размеров длины и ширины этих насыпей, в целом, распределяются в пределах 10-30%, но в некоторых случаях доходят и до 50% (Вертячий, 7; Верхний Балыклей-II, 5; Волжский-II, 2; Дюкер, 27). В этот же круг памятников входят впускные погребения в бэровские бугры и дюны: Косика, -/3, Лбище, -/4 (рис.15, 5, 6), Новоникольское-II, 1 (рис.16, 6), Рубежка, -/3 (рис.16, 10). Возможно, что эти естественные сооружения также воспринимались кочевниками как своеобразные длинные курганы. Случаи обнаружения нестандартных размеров курганных насыпей далеко не всегда можно объяснить последствиями их современной распашки.

Коллективные погребения и могильники огузов

Считается, что погребения кочевников IX-XI вв. только индивидуальные, единичные, беспорядочно разбросанные по степи. Это положение в настоящее время требует уточнений. У огузов уже давно известно определенное количество коллективных захоронений. Среди них есть парные: взрослых мужчины и женщины (Колобовка, 1893 г., Старица, 30/4, Никольское-V, 1/4, рис.7, 3, 4, 7, 8), двух мужчин (Эльтон-85, 7/2, рис.7, 1, 2), мужчины и подростка 15 лет (Вертячий, 7/5). Известны захоронения мужчин и женщин с детьми и более раннего возраста (Заплавное-I, 3/6, рис.9, 6; Карасу-I, 24/1, 2; Колобовка-III, 1/3, рис.7, 5, 6; Покровка-VIII, 1/8, 9, рис. 8, 18). К условно коллективным, по-видимому, к близкородственным семейно-кла-

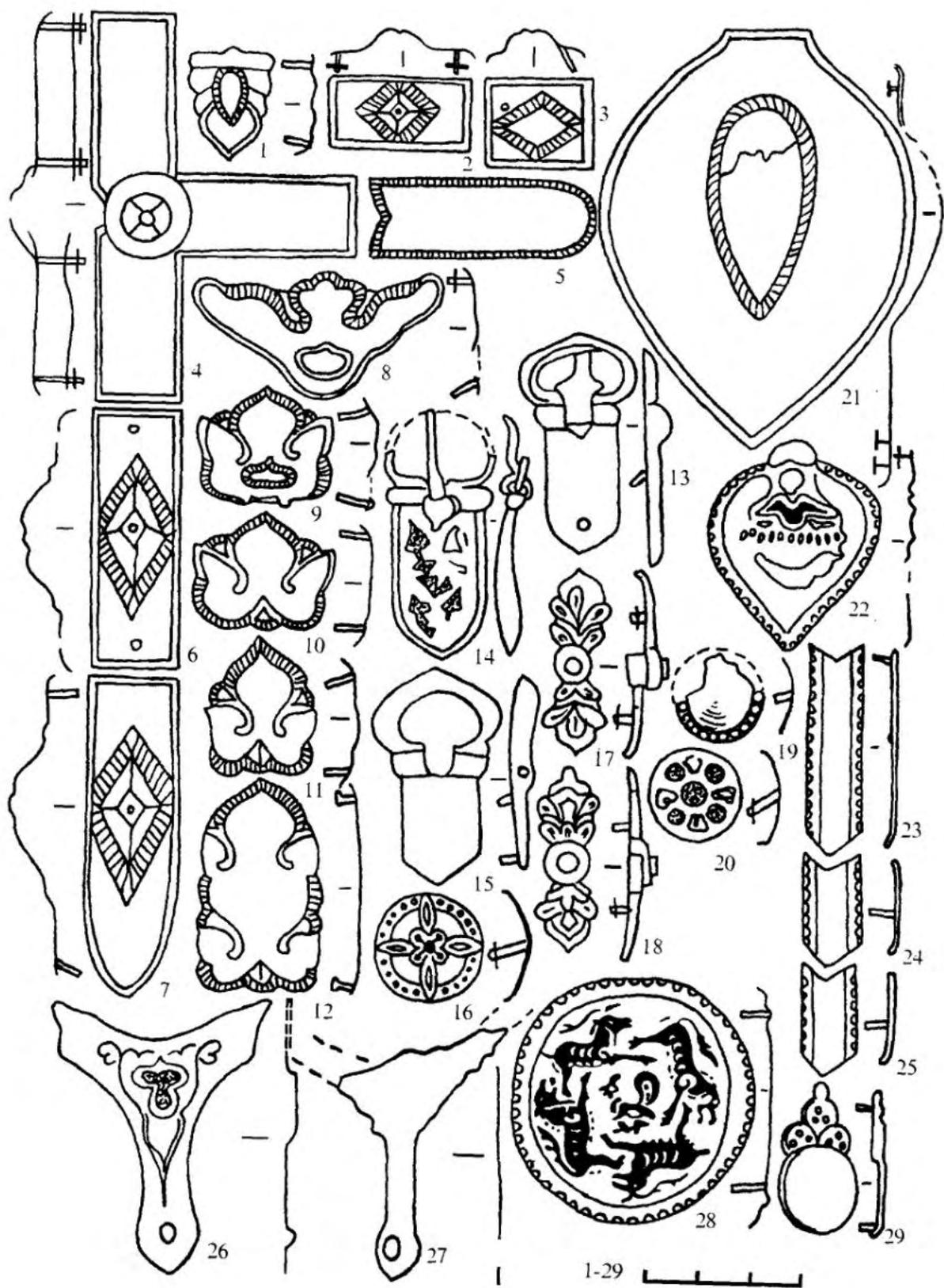

Рис. 5. Эталонный погребальный памятник огузов 2-й пол. X в. Курганный могильник у пос. Ченин Палласовского района Волгоградской области. Курган № 8, погребение № 4. 1-7, 13, 21, 22 – украшения сбруйного набора; 8, 16-20, 23-25, 28, 29 – украшения кожаной сумки; 9-12, 14, 15, 26, 27 – украшения 2-х поясов. 1-29 – серебро, бронза, чернение, позолота.

Fig. 5. Standard funerary monument of the Oguz, the second half of the Xth c. Burial mound near the settlement of Chenin (Pallasovsky district Volgograd region). Tumulus N°8, interment N°4. 1-7, 13, 21, 22 – ornamentation of a harness set; 8, 16-20, 23-25, 28, 29 – ornamentation of a leather bag; 9-12, 14, 15, 26, 27 – adornment of 2 belts. 1-29 – silver, bronze, blackening, gilding.

Abb. 5. Musterdenkmal der Beerdigungskultur der Ogusen der zweiten Hälfte des X. Jhs. Hügelgrabstätte bei der Siedlung Tčenin, Rayon Pallasovka, Gebiet Wolgograd. Hügelgrab Nr. 8, Grabstätte Nr. 4. 1-7, 13, 21, 22 – Verzierungen des Riemenzeugsatzes; 8, 16-20, 23-25, 28, 29 – Verzierungen der Ledertasche; 9-12, 14, 15, 26, 27 – Verzierungen der 2 Gürtel. 1-29 – Silber, Bronze, Schwärzen, Vergoldung.

Dess. 5. Le monument d'étalon de la culture funéraire des Ogouzes à la deuxième moitié du X siècle. Le tombeau en terre près du site Tchenine du district Palassov de la région de Volgograd. Terre № 8, tombeau № 4. 1-7, 13, 21, 22 – décorations de l'ensemble du harnais; 8, 16-20, 23-25, 28, 29 – décorations du sac en cuir; 9-12, 14, 15, 26, 27 – décorations de 2 ceintures. 1-29 – argenteries, bronzes, fers oxydes, dorure

новым можно отнести группы средневековых захоронений из следующих курганов: Быково-I, 10; Верхнепогромное-I, 3; Волжский-II, 2; Дюкер, 27; Заплавное-I, 3; Калиновский, 28; Карасу-I, 11; Кляковка, 4; Колобовка-III, 1; Кривая Лука-III, 1, -XV, 2; Ленинск, 3; Маляевка-V, 11; Маяк Октября-90, 1; Саркел, 10, 35, 38; Старица, 21; Средняя Ахтуба, 3; Степана Разина, 4; У-85 (Барун), 3; Черноярский, 1, 2; Эльтон-84, 2, -85, 7. В каждом из них было обнаружено сразу несколько захоронений, от одного до четырех, с практически однообразным погребальным обрядом. Несколько однотипных захоронений этого времени исследованы и в других курганах этих же могильников. Хронологический диапазон их совершения не может быть особенно большим. Поэтому их все вполне можно считать памятниками небольших родственных друг другу групп кочевников. Существование могильников у населения степей IX-XI вв. предполагал уже В.А.Иванов (Иванов В.А., 1993а, с.96), не отождествляя, правда, их функционирование с каким-то конкретным этническим объединением печенего-огузского круга. По-нашему мнению, таким населением с наибольшей вероятностью являются именно огузы. Очевидно, что процесс формирования у них собственных могильников был следствием постоянного, достаточно длительного закрепления на территории региона. Наиболее характерным примером этого является кочевнический могильник у Саркела.

О ритуальных разрушениях скелетов и обряде обезвреживания погребенных в могилах огузов

Изучение материала показало, что во многих случаях (свыше 70%) исследуемые захоронения еще в древности были разрушены полностью, нарушены частично или хотя бы незначительно повре-

ждены. Так, из 30 скелетов захоронений 1-й ПВГ, сопровождавшихся копоушками, нашивками и привесками, в разной степени разрушены 23. Из 29 погребений этой группы без вышеназванных амулетов, в разной мере потревожены 21. Аналогичная ситуация прослеживается и среди мужских захоронений, где из общего количества учтенных 170 памятников (включая этнокультурно неопределенные погребения) в разной форме нарушены 120. Подавляющее большинство погребений могильника Саркела также были потревожены еще в древности.

Только в 27 случаях разрушения скелетов погребенных могут быть связаны с ограблениями могил. Действия грабителей во все времена носили чрезвычайно практичный характер. Проникая в могилы, они уничтожали все без разбора и вряд ли засыпали свои ямы. Поэтому в профилях бровок ограбленных курганов всегда отмечается наличие воронок. Иногда они видны визуально еще до раскопок. Заполнение их сильно затечное и фиксируется реальной практикой. Поза и ориентация скелетов, положение и характер конских останков, местоположение вещей не устанавливаются. Кости погребенных и инвентарь имеют крайне низкую степень сохранности, разбросаны хаотично и бессистемно как на дне могил, так и в их заполнениях, могут быть перемешаны с вещами и костями скелетов из других погребений (табл.8, 8а).

Нарушение естественной целостности человеческих скелетов и сопровождающих их коней в остальных комплексах не может быть объяснено ограблениями, выступает в качестве своеобразного устойчивого признака погребального обряда и имеет ритуальный характер. Воздействие на скелетизированные останки было различно: 1. Без их разрушения – в виде разворотов тел и связывания ног. 2. С разрушением целостности в виде перемешивания или удаления отдельных или большинства костей. 3. Разрушение останков сопровождающей челове-

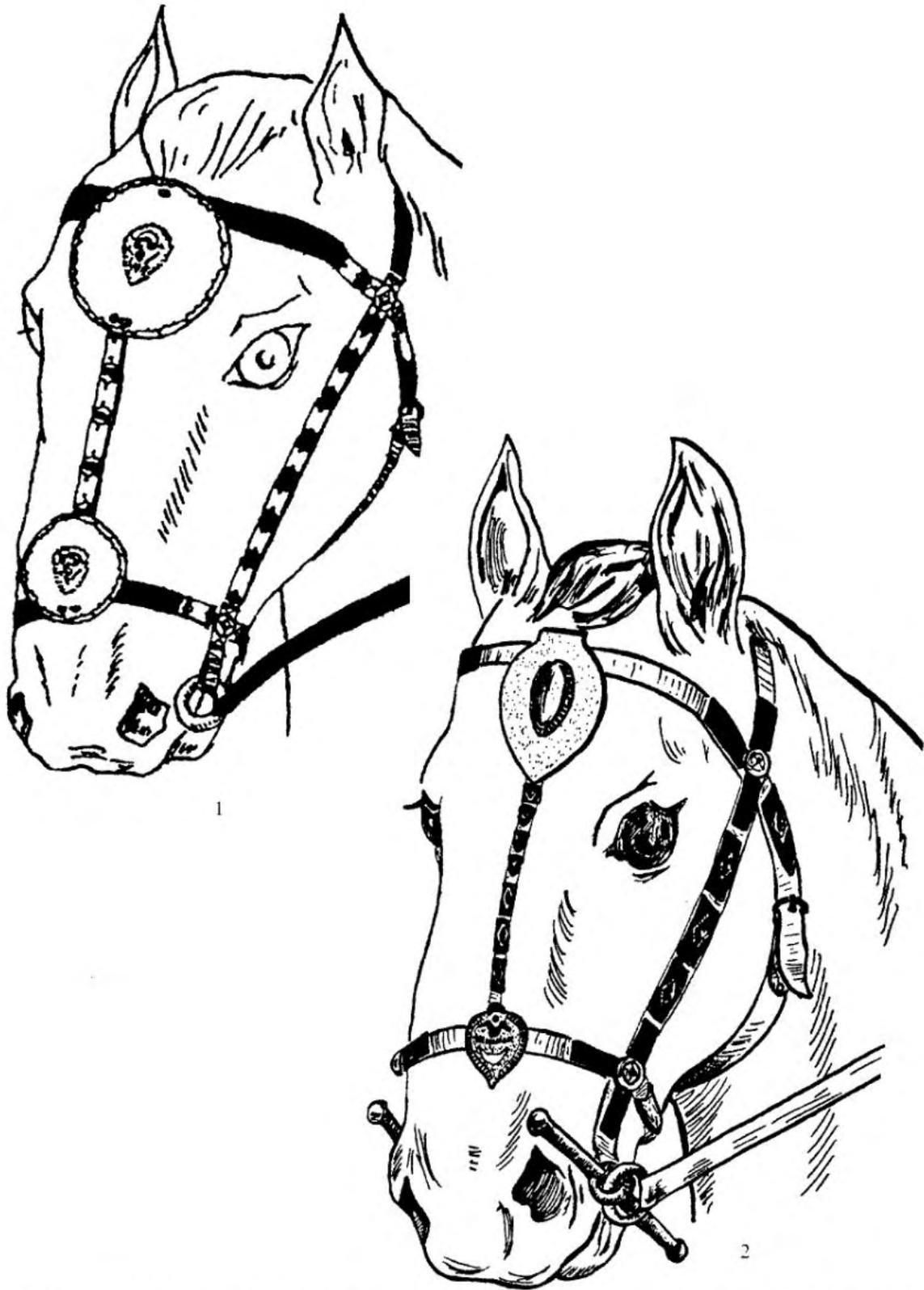

Рис. 6. Украшения конской сбруи. Реконструкции В.М. Клепикова из полевых отчетов А.С. Скрипкина и А.В. Лукашова за 1980 г. 1 – Верхний Бальклеј-II, 5/1; 2 – Ченин, 8/4.

Fig. 6. Adornment of horse harnesses. Reconstructions by V.M. Klepikova according to field reports by A.S. Skripkin and A.V. Loukashov of 1980. 1 – Verkhny Balyklej-II, 5/1; 2 – Tchenin, 8/4.

Abb. 6. Verzierungen des Pferderiemenzeuges. Rekonstruktion von V.M.Klepikov aus den Feldberichten von A.S. Skripkin und A.V. Lukašov für das Jahr 1980. 1 – Verhnij Balyklej-II, 5/1; 2 – Čenin, 8/4.

Dess. 6. Les décorations du harnais. Reconstruction par V.M.Klépikov d'après les rapports de campagne de A.S. Skripkine et A.V. Loukachov de 1980. 1 – Verkhny Balyklej-II, 5/1; 2 – Tchenine, 8/4

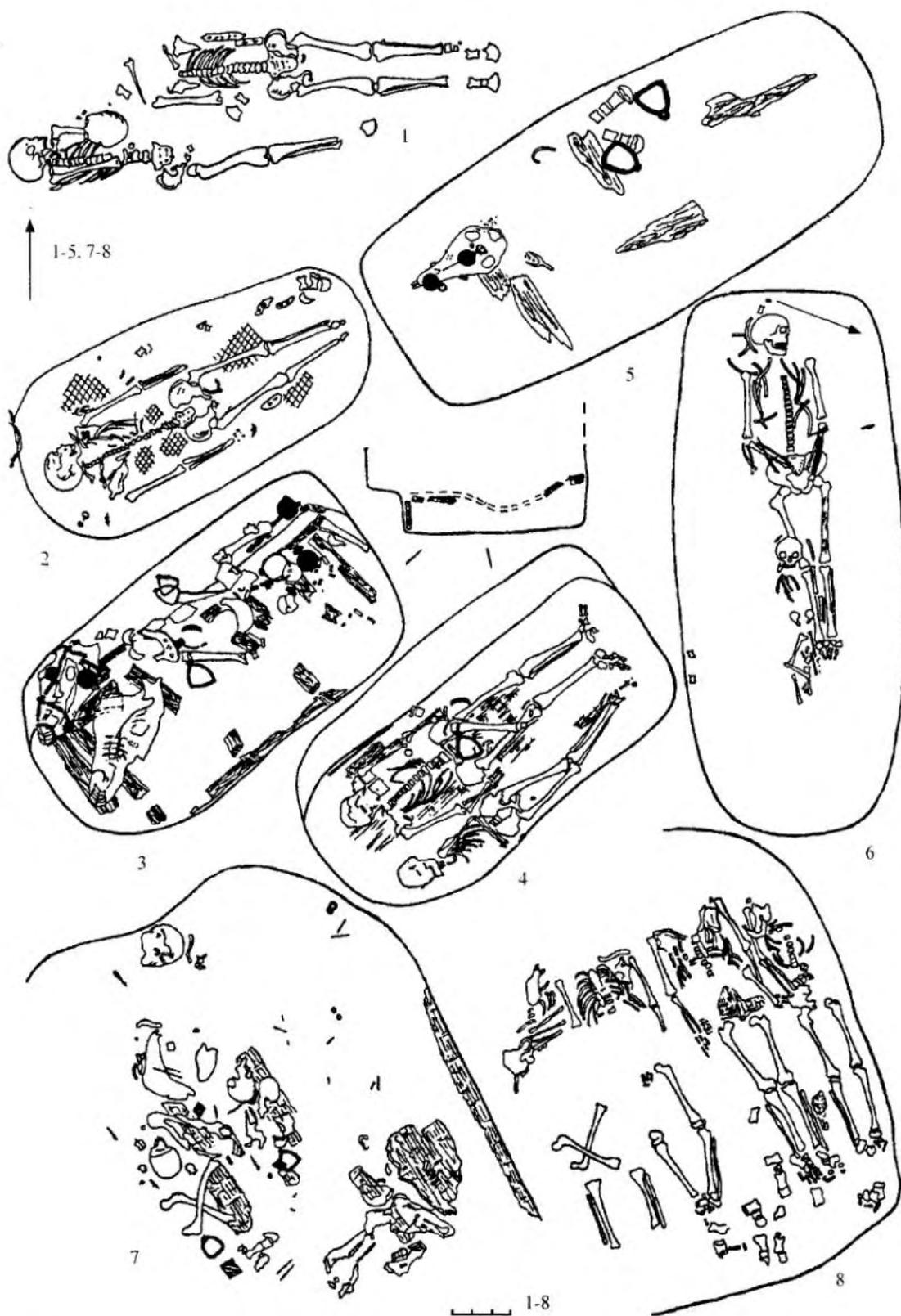

Рис. 7. Коллективные погребения у огузов. 1 – Эльтон-85, 7/2; 2 – Эльтон-85, 7/1; 3, 4 – Никольское-V, 1/4; 5, 6 – Колобовка-III, 1/3; 7, 8 – Старица, 30/4.

Fig. 7. Collective interments of the Oguz. 1 – Elton-85, 7/2; 2 – Elton-85, 7/1; 3, 4 – Nikolskoye-V, 1/4; 5, 6 – Kolobovka-III, 1/3; 7, 8 – Starica, 30/4.

Abb. 7. Massengrabstätten der Ogusen. 1 – Elton-85, 7/2; 2 – Elton-85, 7/1; 3, 4 – Nikol'skoje-V, 1/4; 5, 6 – Kolobovka-III, 1/3; 7, 8 – Starica, 30/4.

Dess. 7. Les tombeaux collectifs des Ogouzes. 1 – Elton-85, 7/2; 2 – Elton-85, 7/1; 3, 4 – Nikolskoje-V, 1/4; 5, 6 – Kolobovka-III, 1/3; 7, 8 – Starica, 30/4

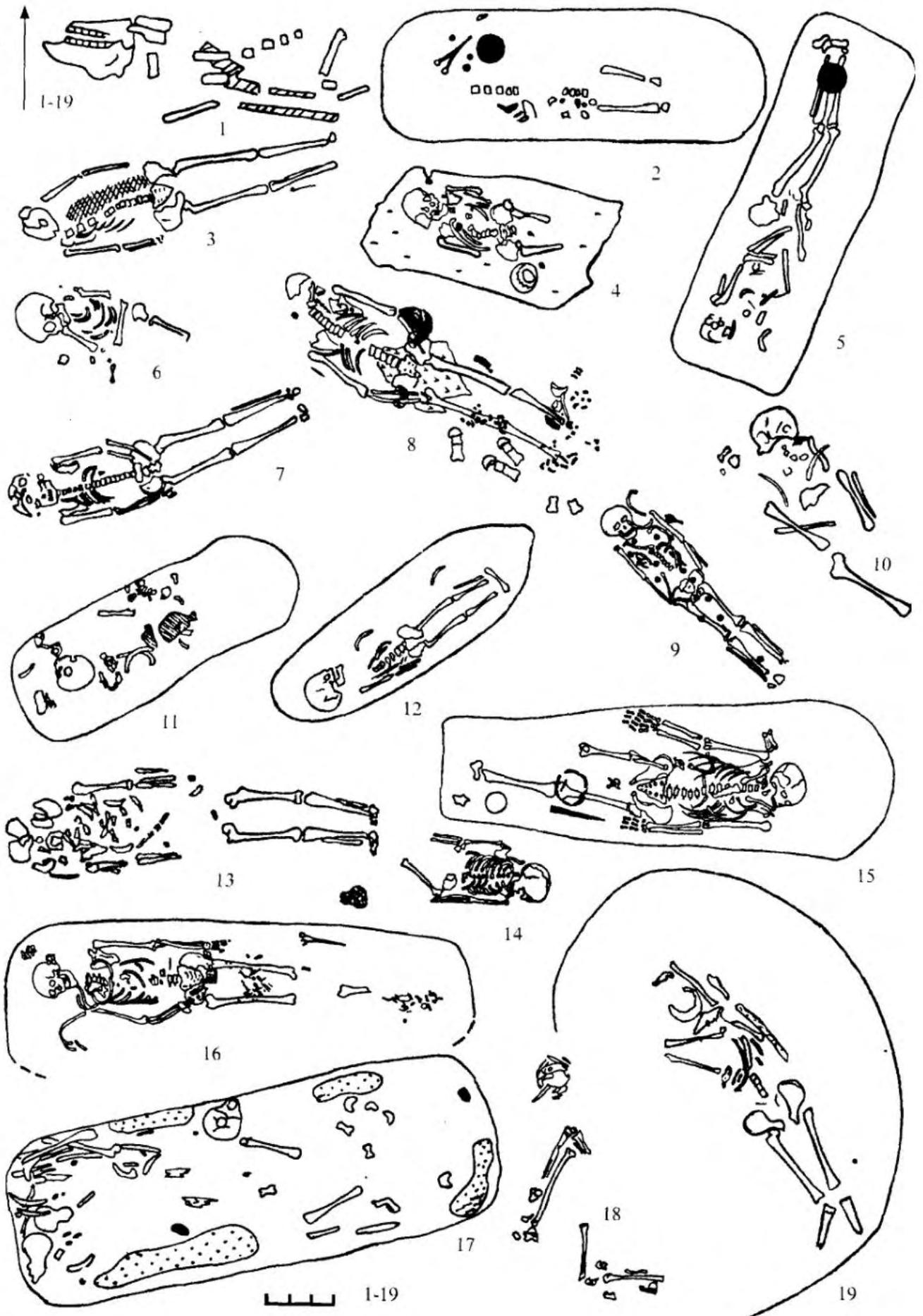

Рис. 8. Погребения 1-ой половозрастной группы огузов (женские и детские). 1, 2 – Сухая Саратовка, 1/5; 3 – Заканальный, 4/4; 4 – Степана Разина, 1/10; 5 – Заплавное-I, 3/4; 6 – Мирное, 1/6; 7 – Старица, 21/2; 8 – Верхний Балькле-II, 7/1; 9 – Верхнепогромное-I, 1/3 (деталь); 10 – Батаевка; 11 – Калиновский, 9/3; 12 – Калиновский, 42/1; 13 – Царев, 23/1; 14 – Верхнепогромное-I, 3/4; 15 – Маяк Октября, 1/1; 16 – Успенка; 17 – Киляковка, 4/2; 18 – Покровка-VIII, 1/8, 9; 19 – Верхний Балькле-II, 6/5.

Fig. 8. Interments of the Oguz, 1st sex-age group (females and infants). 1, 2 – Soukhaya Saratovka, 1/5; 3 – Zakanalny, 4/4; 4 – Stepan Rasine, 1/10; 5 – Zaplavnoye, 3/4; 6 – Mirnoye, 1/6; 7 – Staritsa, 21/2; 8 – Verkhny Balyklej-II, 7/1; 9 – Verkhypogromnoye-I, 1/3 (detail); 10 – Batajevka; 11 – Kalinovskiy, 9/3; 12 – Kalinovskiy, 42/1; 13 – Carev, 23/1; 14 – Verkhypogromnoye-I, 3/4; 15 – Mayak Oktyabrya, 1/1; 16 – Uspenka; 17 – Kilakovka, 4/2; 18 – Pokrovka-VIII, 1/8, 9; 19 – Verkhny Balyklej-II, 6/5.

Abb. 8. Grabstätten der I. Geschlechts- und Altersgruppe der Ogusen (Frauen- und Kindergrabstätten). 1, 2 – Suhaja Saratovka, 1/5; 3 – Zakanal'nyj, 4/4; 4 – Stepana Rasina, 1/10; 5 – Zaplavnoje, 3/4; 6 – Mirnoje, 1/6; 7 – Starica, 21/2; 8 – Verhnij Balyklej-II, 7/1; 9 – Verhnepogromnoje-I, 1/3 (Teil); 10 – Batajevka; 11 – Kalinovskij, 9/3; 12 – Kalinovskij, 42/1; 13 – Carev, 23/1; 14 – Verhnepogromnoje-I, 3/4; 15 – Majak Oktjabrja, 1/1; 16 – Uspenka; 17 – Kiljakovka, 4/2; 18 – Pokrovka-VII, 1/8, 9; 19 – Verhnij Balyklej-II, 6/5.

Dess. 8. Les tombeaux du 1-er groupe d'âge et de sexe des Ogouzes (femmes et enfants). 1, 2 – Soukhaïa Saratovka, 1/5; 3 – Zakanalny, 4/4; 4 – Stepan Rasine, 1/10; 5 – Zaplavnoyé, 3/4; 6 – Mirnoyé, 1/6; 7 – Staritsa, 21/2; 8 – Verkhny Balykleï-II, 7/1; 9 – Verkhypogromnoyé-I, 1/3 (detail); 10 – Batajevka; 11 – Kalinovskiy, 9/3; 12 – Kalinovskiy, 42/1; 13 – Carev, 23/1; 14 – Verkhypogromnoyé-I, 3/4; 15 – Mayak Oktiabrya, 1/1; 16 – Uspenka; 17 – Kilakovka, 4/2; 18 – Pokrovka-VIII, 1/8, 9; 19 – Verkhny Balykleï-II, 6/5.

ка шкуры коня. 4. Сочетание. Выделить конкретные типы пока не представляется возможным. Конкретная степень внешнего воздействия на скелеты, от связывания ног до полного разрушения и удаления костей, зависела, видимо, от целого комплекса многочисленных субъективных психологических факторов. В равной мере воздействию подвергались останки как мужчин, так и женщин, представители всех возрастов: от грудных детей до престарелых.

Наиболее характерными оказываются материалы коллективных захоронений. Так погребение Старица, 30/4, исследованное В.П.Шиловым, находилось в насыпи большого кургана эпохи бронзы на глубине 2,2 м от поверхности. Оно представляло собой коллективное захоронение четырех человек (рис.7, 7, 8). Над ними, на остатках деревянного перекрытия, находились четыре конских черепа, а в ногах, в анатомическом порядке, – нижние скаковые конечности. Череп и кости ног пятого коня лежали еще выше, в насыпи, и были беспорядочно разбросаны. Все погребенные – взрослые лежали вытянуто на спине, ориентированы на СЗ. У крайнего, северо-восточного, скелета женщины не сохранились кости верхней части туловища и левой руки. От соседнего, мужского, не сохранились череп, ребра и кости таза. От третьего, женского, скелета остались кости ног, левой руки и верхней части грудной клетки. От четвертого, пол которого остался неопределенным, *in situ* сохранились только берцовые кости ног. Остальные кости были смешаны или отсутствовали вообще. С одним из женских скелетов был обнаружен фрагмент бронзовой копоушки, с мужскими – предметы сбруи, остатки колчанов, наконечники стрел (Шилов В.П.,

1961, с.98-102). Очевидно, что здесь мы имеем дело с разовым захоронением нескольких людей, видимо, родственников, скелеты которых позднее были разрушены. В аналогичном по обряду погребении из Вертячего, 7/5 у скелета подростка был смещен и перевернут череп, повреждены кости правой ноги. Кости скелета взрослого мужчины находились в полной сохранности. Кости коня в могиле отсутствовали (Мамонтов В.И., 1979). Скелет женщины из парного погребения Никольское-V, 1/4 лежал вытянуто на правом боку, берцовые кости ног были сведены, возможно, были связаны (рис.7, 4).

У огузов имело место и проникновение в уже сооруженные могилы для совершения над ними дополнительных подзахоронений. При этом более ранние погребения преднамеренно частично разрушались. Памятниками с таким обрядом можно считать погребения Калиновский, 28/1и 2, Карасу-I, 24/1и 2, У-85 (Барун), 3/3 и 4 (рис. 12, 10), Эльтон-85, 7/2, скелеты 1 и 2 (рис.7, 1) в которых при дополнительных подзахоронениях уже существующие оказались частично разрушены. Все трехметровое заполнение ямы погребения из Калиновского, 28/2 состояло из многочисленных плотно спрессованных фрагментов обожженной до шлакообразного состояния глиняной обмазки печи, перемешанных с кусками древесного угля, золы, обгорелыми обломками дерева. Скелет погребенного на дне ямы оказался разрушен через выявленный в заполнении довольно узкий лаз. Поза и ориентировка его, тем не менее, были установлены. Среди костей человека находились хорошо сохранившиеся вещи погребального инвентаря: железные наконечники копья и стрел, удила, золотое височное кольцо, бронзовые и серебряные бляхи,

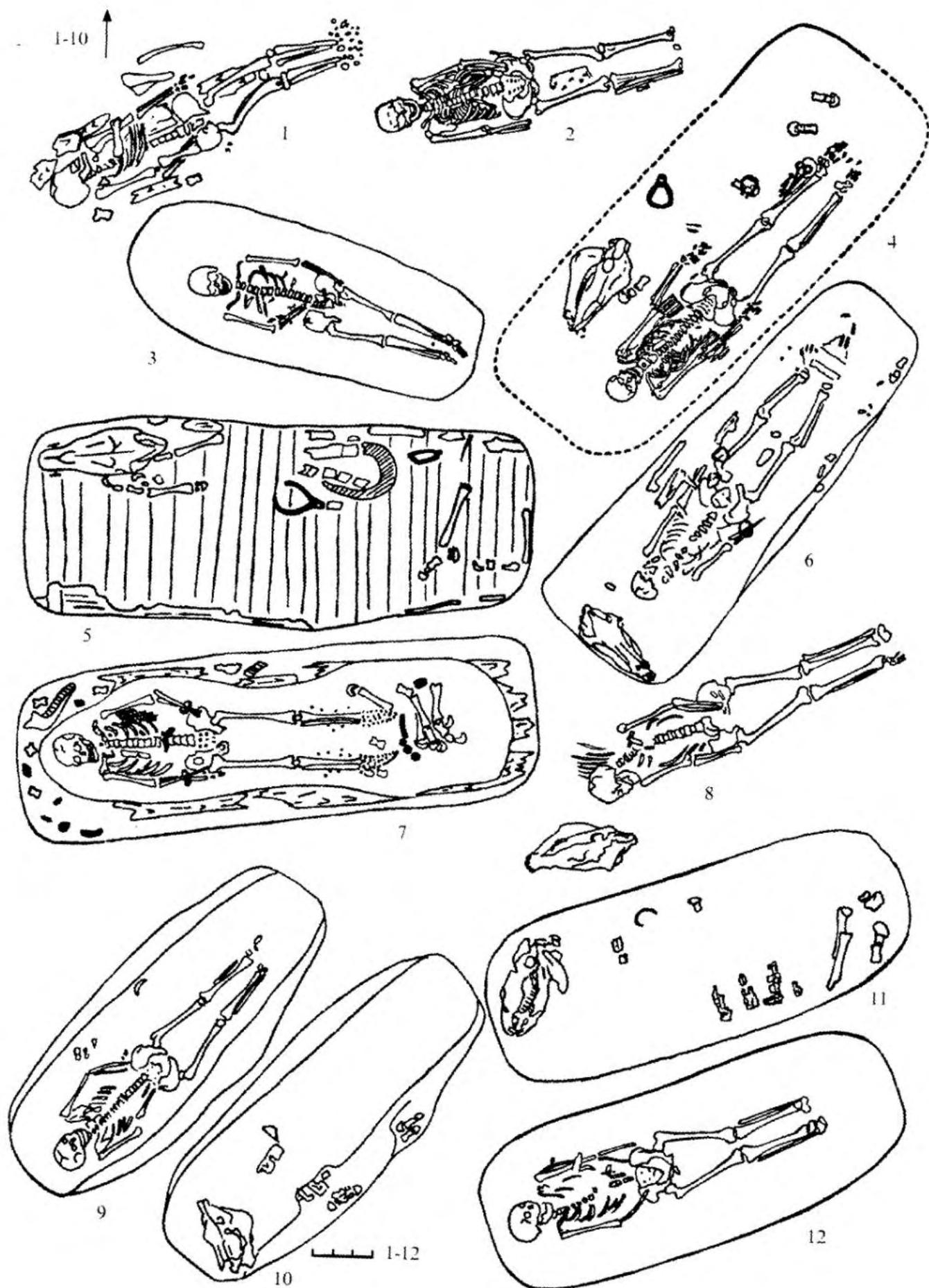

Рис. 9. Погребения 1-й половозрастной группы огузов. 1 – Волжский, 2/4; 2 – Калиновский, 1/3; 3 – Zubovka, 9/2; 4 – Калиновский, 12/19; 5 – Увак, 10/2 (деталь); 6 – Zaplavnoe, 3/6; 7 – Киляковка, 4/1; 8 – Средняя Ахтуба, 1/5; 9, 10 – Zaplavnoe, 3/7; 11, 12 – Старица, 21/5.

Fig. 9. Interments of the Oguz, 1st sex-age group (females and infants). 1 – Voljsky, 2/4; 2 – Kalinovsky, 1/3; 3 – Zubovka, 9/2; 4 – Kalinovsky, 12/19; 5 – Uvak, 10/2 (detail); 6 – Zaplavnoye, 3/6; 7 – Kilakovka, 4/1; 8 – Srednaya Akhtuba, 1/5; 9, 10 – Zaplavnoye, 3/7; 11, 12 – Staritsa, 21/5.

Abb. 9. Grabstätten der I. Geschlechts- und Altersgruppe der Ogusen. 1 – Volžskij, 2/4; 2 – Kalinovskij, 1/3; 3 – Zubovka, 9/2; 4 – Kalinovskij, 12/19; 5 – Uvak, 10/2 (Teil); 6 – Zaplavnoje, 3/6; 7 – Kiljakovka, 4/1; 8 – Srednjaja Ahtuba, 1/5; 9, 10 – Zaplavnoje, 3/7; 11, 12 – Starica, 21/5.

Dess. 9. Les tombeaux du 1-er groupe d'âge et de sexe des Ogouzes (femmes et enfants). 1 – Voljsky, 2/4; 2 – Kalinovsky, 1/3; 3 – Zoubovka, 9/2; 4 – Kalinovsky, 12/19; 5 – Ouvak, 10/2 (detail); 6 – Zaplavnoyé, 3/6; 7 – Kilakovka, 4/1; 8 – Srednaya Akhtouba, 1/5; 9, 10, Zaplavnoyé, 3/7; 11, 12 – Staritsa, 21/5

несколько роговых накладок сложносоставного лука и колчана. Впускное безынвентарное погребение 1 явно соотносится с погребением 2. Отклонение в ориентировке длинных осей могильных ям, вызвавшее нарушение одной ямы другой, можно объяснить сезонной разновременностью их сооружения. Поскольку погребение 1 принадлежит женщине, а погребение 2 – мужчине, можно предположить, что они составляли общий семейно-родственный погребальный комплекс (рис.17, 1-3, 18, 1-14) (Шилов В.П., 1959, с.384-386).

Положение костей верхней части скелета женщины из погребения кургана 37 Саркельского могильника было нарушено. Правая локтевая кость и шейные позвонки отсутствовали, мелкие кости рук и ног раскиданы, кости грудной клетки перемешаны. С погребенной из предметов могильного инвентаря находились два бронзовых бубенчика, бронзовая нашивка Д V, два серебряных браслета, один простой витой, другой – неоднократно публиковавшийся обруч с чернением, золотой перстень (Плетнева С.А., 1963, с.224-225). Верхняя часть скелета из Сухой Саратовки, 1/5 (рис.8, 2) также была разрушена. Непотревоженными сохранились только отдельные кости черепа, позвоночного столба и таза. В инвентаре погребения присутствовали две крыловидные нашивки Д II с шестью привесками, три бубенчика, большое, диаметром 10 см, зеркало, кожаные сапоги, обшитые бляхами (Ляхов С.В., 1997, с.229). Не заметить столько привлекательных предметов грабители, конечно, не могли бы. Того, кто разрушал эти захоронения в древности, вещи из могил просто не интересовали. Аналогичным образом были нарушены скелеты в целом ряде погребений (Киляковка, 3/2; Комсомольский, 1/1; Красная Деревня, 15/8; Кривая Лука-V, 4, -XV, 2/9; Ленинск, 3/2; Старица, 7/18; Царев, 23/1; Эльтон-83, 7/2). Черепа погребенных из Дюкера, 27/4, Зakanального, 4/4, Калиновки, 1/7, Кос Обы, 11/2, Саркела, 46 были смещены со своих естественных мест и перевернуты. В Быково-I, 14/3 предплечье правой руки лежало поперек лба. В некоторых случаях у скелетов были потревожены только кости ног

(Батаевка, Дюкер, 27/4, Кано, 1/1, Красный Октябрь, 1/2, Мирное, 2/6, Степана Разина, 1/10, У-85 (Барун), 3/4). В отдельных погребениях были разрушены кости как верхней, так и нижней частей скелетов (Бахтияровка, 55/5; Быково-I, 21/3; Волжский-II, 2/9; Дюкер, 27/5; Жарсуат-I, 1/2; Калиновка, 4/1; Киляковка, 4/2; Кривая Лука-III, 1/23; Солодовка, 5/4; Старица, 21/3 и 38/1; Торгунское, 1/5; Ханата, 5/18). При этом все основные вещи в могилах, обычно, сохранялись. Характерно также, что даже в случаях с очень сильным разрушением скелетов, вплоть до разрушения большинства костей, авторы раскопок легко определяли позу и ориентировку погребенных. В Покровке-II, 1/1 кости скелета взрослого человека были уложены плотным скоплением в могильной яме размерами 1,1x0,8 м (рис.14, 4). Авторы раскопок комплекса интерпретируют его как вторичное перезахоронение (Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993, с.23, 24, 26). Зафиксирован целый ряд случаев, где у скелетов отсутствовали те или иные кости. В Кара Обе, 6/1 и Саркеле, 5 у погребенных отсутствовали черепа. В Zaplavnom-I, 3/6 не было радиальной кости правого предплечья. В Алешкине, 1/2 отсутствовала кисть правой руки. В Степаневке-II, 6/1 не было костей всей правой руки. Отсутствие кистей рук и стоп ног у скелетов, отмеченное С.А.Плетневой, вообще должно быть признано характерным для Саркельского кочевнического могильника (курганы 5, 10/2, 16, 20, 27, 28, 35/2, 36, 37, 46, 47, 48, 53 и др., см.: Плетнева С.А., 1963).

Среди инвентаря захоронения, обнаруженно у с. Успенка (рис.8, 16), находились бронзовые пластинчатые браслеты, серебряные серьги, перстень, 225 серебряных блях, золотые обкладки особых деревянных блях. У погребенной женщины смещены ребра, грудные и шейные позвонки. Кости левой ноги ниже колена отсутствовали полностью, кости правой сохранились частично. По мнению автора раскопок, ноги покойницы в коленях некогда были связаны ремнем, украшенным многочисленными накладками. Скорее всего, бляш-

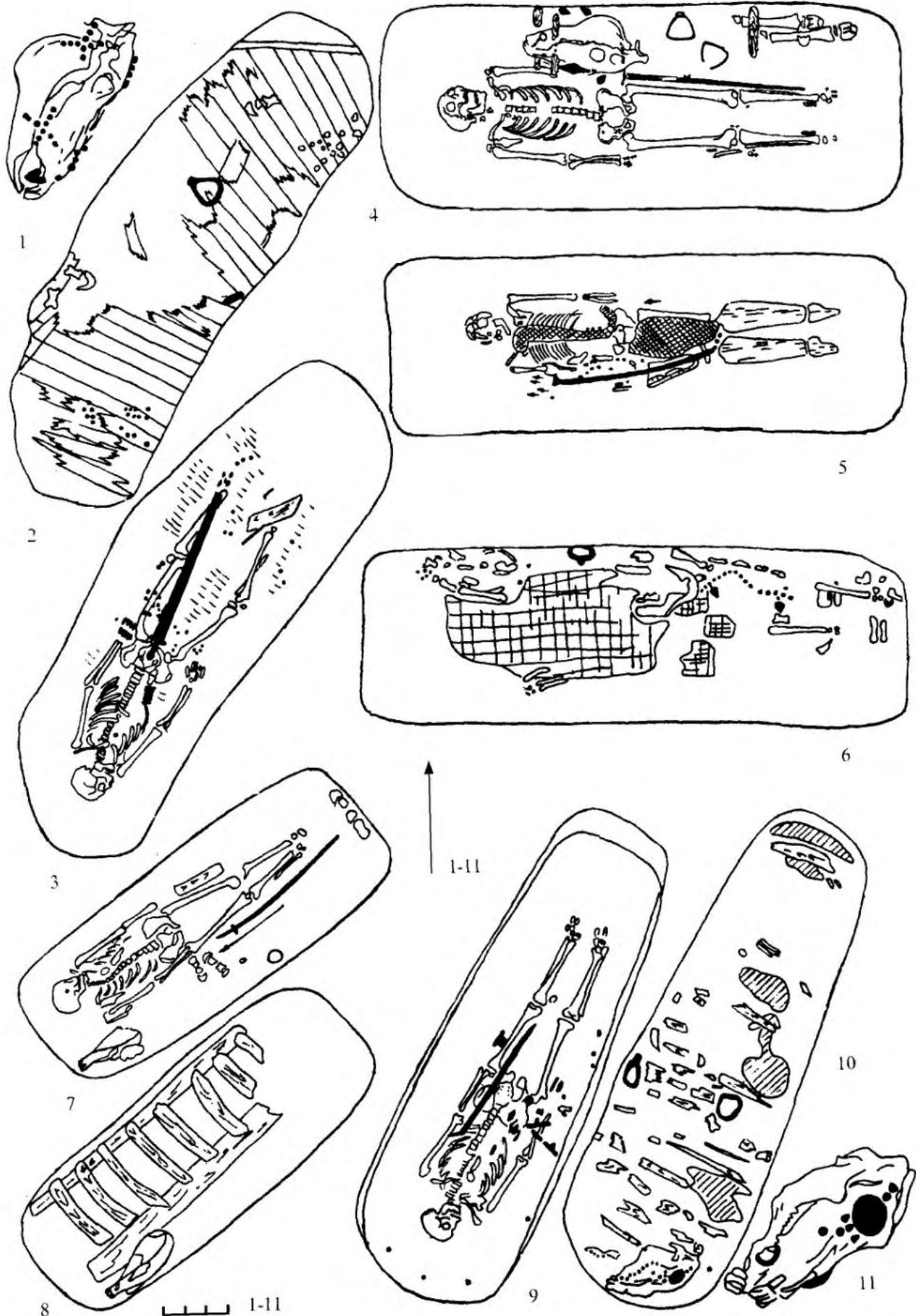

Рис. 10. Погребения 2-й половозрастной группы огузов. Захоронения воинов-батыров. 1-3 – Пятнадцатый поселок, 3/7; 4 – Рахинка; 5, 6 – Новоникольское-I, 7/13; 7, 8 – Купцын Толга, 46/5; 9-11 – Заплавное, 3/3.

Fig. 10. Interments of the Oguz, 2nd sex-age group. Interments of warriors-batyr (epic heroes). 1-3 – Pyatnadzaty poselok, 3/7; 4 – Rakhinka; 5, 6 – Novonikolskoye-I, 7/13; 7, 8 – Kuptsyn Tolga, 46/5; 9-11 – Zaplavnoye, 3/3.

Abb. 10. Grabstätten der 2. Geschlechts- und Altersgruppe der Ogusen. Grabstätten der Krieger. 1-3 – Pjatnadzatyj Poselok, 3/7; 4 – Rahinka; 5, 6 – Novonikol'skoje-I, 7/13; 7, 8 – Kupcyn Tolga, 46/5; 9-11 – Zaplavnoje, 3/3.

Dess. 10. Les tombeaux du 2-ème groupe d'âge et de sexe des Ogouzes. Les inhumations des guerriers-batyres. 1-3 – Piatnadzatyj poselok, 3/7; 4 – Rakhinka; 5, 6 – Novonikolskoye-I, 7/13; 7, 8 – Kouptsyn Tolga, 46/5; 9-11 – Zaplavnoyé, 3/3.

ки украшали не ремень, а поверхность сумки (158 накладок и бисер) и кожаных сапог (остальные 67 блях комплекса). Показательно то, что при отсутствии костей ног, бляхи все же сохранились. Что же касается явления связывания ног, то отметим еще целый ряд захоронений, в которых зафиксированное неестественное положение ног погребенных наводит на предположение о возможном связывании в древности и их (Бахтияровка, 32/12; Вертячий, 6/1; Верхнепогромное-I, 3/7; Волжский-II, 2/4; Кара Оба, 10/1; Кировский-II, 2/2; Кривая Лука-III, 1/10; Новая Квасниковка-I, 6/1; Рубежка; Светлое Озеро, 2/1; Чернойарский, 1/1 и др.). В Кара Обе, 10/1 погребенный находился к тому же на животе (в перевернутом положении), но при этом, как обычно, сопровождался характерным могильным инвентарем.

Е.В.Шнайштейн, опубликовавшая захоронение из Успенки, прямо сопоставила зафиксированное в полевых условиях особое состояние скелета не с его ограблением, а с явлением ритуального разрушения, с хорошо известным по другим источникам обрядом обезвреживания покойного (Шнайштейн Е.В., 1989, с.271). Связав данное погребение с населением Хазарского каганата, исследовательница несколько широко определила его возможную этнокультурную принадлежность. В Заволжье известно только одно захоронение, в какой-то степени близкое по обряду салтово-маяцкой культуре, – Царев, 27. Это – не имеющее узкой даты погребение женщины со скелетом собаки, сопровождающееся в инвентаре месяцеvidным амулетом салтовского типа, свинцовым грузиком-пломбой и серебряным зеркалом, с изображенным на нем специфическим именно для этой эпохи образом сидящего на коне всадника (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993, с.200, 202, 203, рис.8, 1, 7, 13, 9, 3; Круглов Е.В., 2001а, с.5, 12, 24, рис.П, кат.9, 10). Успенское же погребение, сопровождаемое останками коня, скорее всего, все же кочевническое, огузское. Абсолютно аналогичными ему по обряду и составу погребального инвентаря являются захоронения из Верхнего Балыклея-II, 7/1 (рис.8, 8) и Киялковки, 4/1 (рис.9, 7). В инвентаре последнего находилась птицевидная нашивка типа Д IIIa (Мыськов Е.П., 1993, с.74-79).

Перечень проявлений подобного рода обрядности в кочевнических захоронениях 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. степной зоны Северного Прикаспия можно было бы привести гораздо больший. Характерные места нарушения скелета: череп, грудная клетка в области сердца, кисти рук, голени, стопы ног. Нигде не фиксируется хаотическое разбрасывание и смешение костей. Все они, обычно, размещались вблизи мест своего первоначального расположения. В основном, нарушалась лишь естественная связь между отдельными частями скелета. Например, перемешивались ребра, а позвоночный столб не трогался. Нарушение верхней части скелетов сопровождалось перемещением черепа. Но, отделив череп от шейных позвонков, обычно, его сохраняли в непосредственной близости от скелета. Кости руки разрушались лишь при полном разрушении грудной клетки. Длинные кости ног, как правило, оставались на своих местах. Кисти рук и стопы ног, обычно, просто удалялись. Тазовые кости самостоятельным объектом разрушения не являлись. В коллективных, парных погребениях и сопребениях один скелет мог быть в сохранности, а другой находиться в той или иной степени разрушения. Действиями грабителей такое выборочное воздействие на скелеты абсолютно необъяснимо. Погребальные вещи, в том числе драгоценности, нигде не были целью проникновения в могилы и всегда оставались на своих местах. Они были вполне пригодны для дальнейшего использования и оставаться незамеченными для грабителей не могли. Почти нигде нет полуманных костей и вещей, везде смещенные кости и вещи лежат на дне могил. Именно поэтому, почти везде легко определяются как первоначальное положение тел, так и ориентировки погребенных. Воздействие на кости людей зачастую сопровождалось и воздействием на конские останки.

К изучению этих случаев мы планируем вернуться в ближайшем будущем в отдельной работе. Как же предварительно можно интерпретировать отмечаемые случаи? До сих пор они, обычно, объяснялись либо просто ограблением могил, либо исследователи вообще уходили от какой-либо их трактовки. С.А.Плетнева связывает все многочисленные

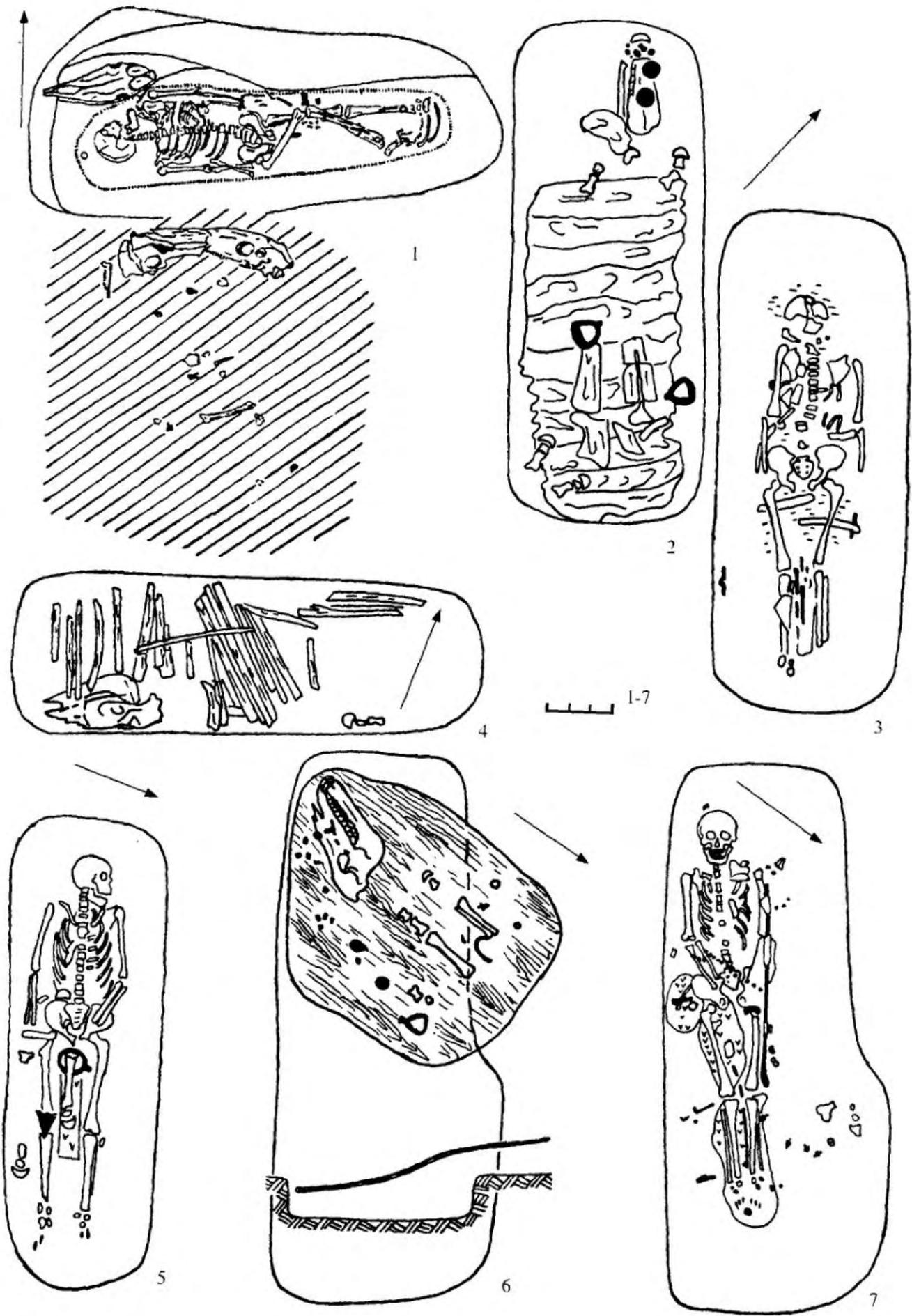

Рис. 11. Погребения 2-й половозрастной группы огузов. Захоронения воинов-батыров. 1 – Новая Квасниковка-I, 6/1; 2, 3 – Верхний Бальклей-II, 5/1; 4, 5 – Быково-I, 16/9; 6, 7 – Ченин, 8/4.

Fig. 11. Interments of the Oguz, 2nd sex-age group. Interments of warriors-batyr (epic heroes). 1 – Novaya Kvasnikovka-I, 6/1; 2, 3 – Verkhny Balykley-II, 5/1; 4, 5 – Bykovo-I, 16/19; 6, 7 – Tchenin, 8/4.

Abb. 11. Grabstätten der 2. Geschlechts- und Altersgruppe der Ogusen. Grabstätten der Krieger. 1 – Novaja Kvasnikovka-I, 6/1; 2, 3 – Verhnyj Balykley-II, 5/1; 4, 5 – Bykovo-I, 16/9; 6, 7 – Čenin, 8/4.

Dess. 11. Les tombeaux du 2-ème groupe d'âge et de sexe des Ogouzes. Les inhumations des guerriers-batyres. 1 – Novaya Kvasnikovka-I, 6/1; 2, 3 – Verkhny Balykley-II, 5/1; 4, 5 – Bykovo-I, 16/19; 6, 7 – Tchénine, 8/4

случаи разрушения скелетов, зафиксированные в курганах Саркельского кочевнического могильника, исключительно с деятельностью грызунов (Плетнева С.А., 1963). Следует заметить, что в данном могильнике есть несколько погребений, которые, несмотря на обнаруженные в них сурчины, тем не менее, оказались не нарушены (к. 41, 42) и наоборот, ряд погребений, где сурчины не отмечались (к. 5, 43, 48, 54), тем не менее, все же были нарушенными. Вряд ли поэтому следует связывать характерное для Саркельского могильника явление отсутствия у большинства скелетов кистей рук и стоп ног только с деятельностью землероев. В Волчанском, 6/1 (рис.14, 5) и Солянке, 3/1 (рис.14, 13) разрушения скелетов также были объяснены авторами раскопок деятельностью грызунов (Васильева И.Н., 1985, с.173-178; Скворцов Н.Б., 2000, с.18-20). Но, если череп человека и несколько вещей, обнаруженных в норах рядом с первым комплексом, действительно могли быть перемещены туда грызунами, то как они могли сместить в общую кучу со своего первоначального положения громоздкий череп коня, причем вместе с конечностями, и не тронуть при этом остальные вещи, осталось необъясненным. В Комсомольском, 1/1 (рис.12, 2) В.И.Мамонтов установил, что смещение ног погребенного объяснялось ограблением соседней могилы, но документально зафиксированное отсутствие правой руки и смещение со своих мест черепа и левой руки погребенного, не связанные с данным ограблением (Мамонтов В.И., 1976, с.4, 5), осталось, как и во многих других подобных случаях, необъясненным. Ограбленными считают авторы раскопок могильника Маляевка-V все обнаруженные в нем средневековые погребения (Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А., 2001, с.17, 23). Однако для погребения Маляевка-V, 6/1 можно предполагать возможность разрушения данного комплекса какого-то иного характера, причем более раннего, чем ограбление, в ходе которого была нарушена только нижняя часть скелета (рис.12, 12). Верхняя же его часть, а также сама могильная яма вместе с останками находившейся в заполнении шкуры коня, действительно, были разрушены уже в ходе ограбления. Проникшие в погребение Солодовка, 5/4 (рис.12, 4) точно знали, где

оно находится, и не потревожили соседних захоронений этого кургана, которые их явно не интересовали (Мыськов Е.П., 1993, с.83).

Представляется, что перечисленные факты можно объяснить в свете последних открытий российских археологов в области все чаще и чаще выявляемого у средневекового населения Восточной Европы обряда обезвреживания покойных (ООП) (Флёров В.С., 2000, с.55-100). Установить, что конкретно могло иметь место в реальности в нашем случае, а что нет, можно будет только в ходе новых раскопок. Но для этого необходимо изменить методику полевых исследований средневековых курганных захоронений, ввести подсчет сохранившихся наличных костей. Более полной должна быть графическая документация. Необходимо шире практиковать методику послойных чертежей. Даже хаотическое, на первый взгляд, размещение отдельных костей заслуживает более тщательной фиксации. Сейчас же мы можем только констатировать, что многочисленные случаи разрушения скелетов, смещение и отсутствие отдельных костей, связывание ног при сохранении, в целом, достаточно разнообразного, а иногда и довольно богатого могильного инвентаря, в погребальной культуре огузов являются результатом деятельности не бугровщиков, грызунов или небрежности самих археологов при организации раскопок, а важнейшим требованием погребального обряда. Трудно истолковать некоторые случаи разрушения останков умерших в каких-то иных, не обрядовых целях. В погребениях огузов представлены все известные в настоящее время меры предохранения живых от преследования умерших: от простого связывания ног до полного разрушения человеческих останков.

В связи с этим, хочется обратить внимание на полное единство всех основных, уже известных проявлений ООП у населения Дешт-и-Огуза и Хазарского каганата. Огузы могли воспринять особенности данного обряда только у населения Хазарского каганата и, очевидно, в ходе непосредственных этнических контактов. Их характер и особенности еще только предстоит выяснить. В пользу же реальной возможности этого приведем следующие факты: 1. Обнаружение огузских и салтовских бес-

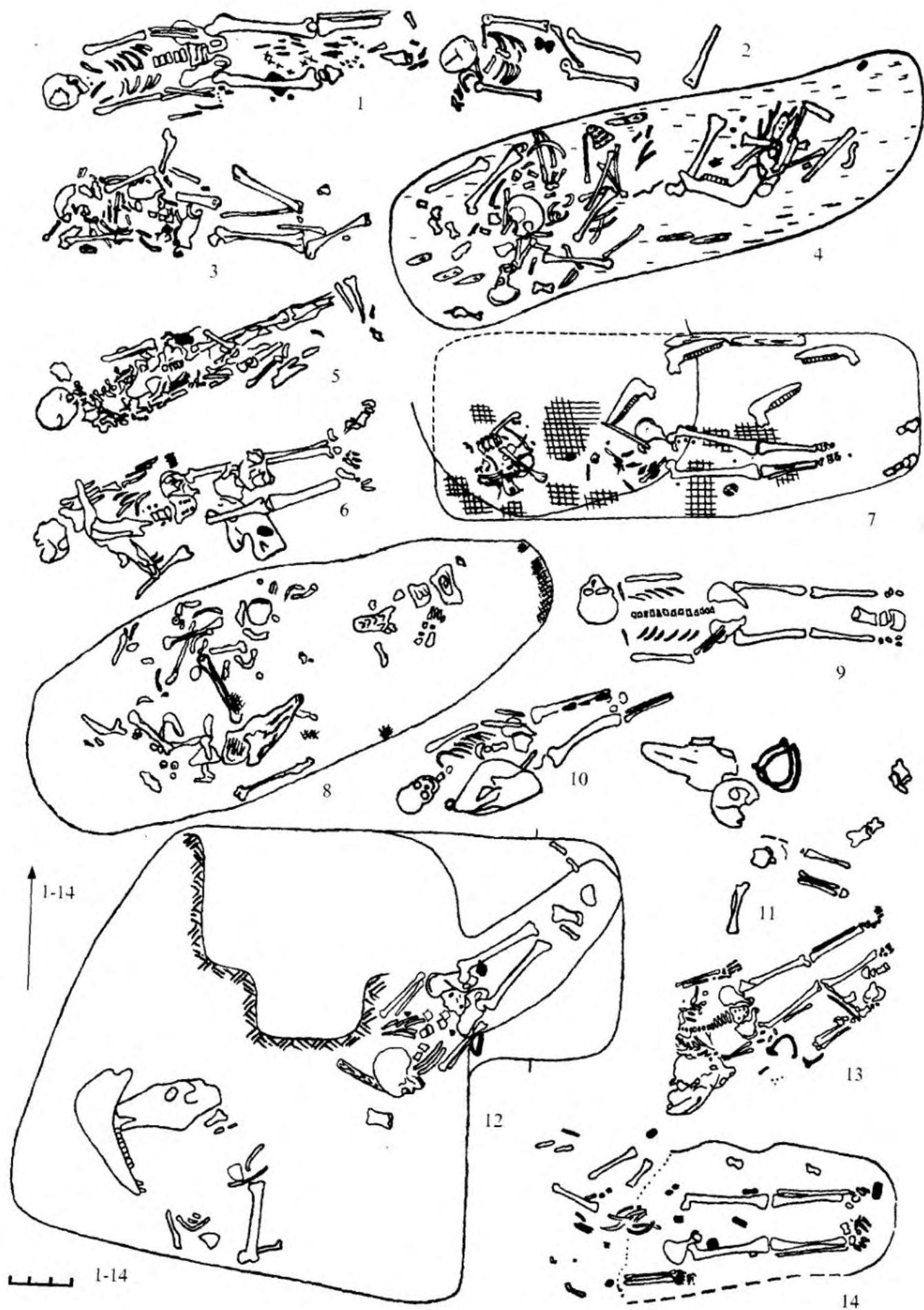

Рис. 12. Погребения 2-й половозрастной группы огузов. 1 – Красный Октябрь, 1/2; 2 – Комсомольский, 1/1; 3 – Старица, 21/3; 4 – Солодовка, 5/4; 5 – Старица, 7/18; 6 – У-85 (Барун), 1/5; 7 – Красная Деревня, 15/8; 8 – Кривая Лука-III, 1/23; 9 – Кос Оба, 11/2; 10 – У-85 (Барун), 3/4; 11 – Эвдык-I, 7/8; 12 – Малаевка-V, 6/1; 13 – Цаган Усн-VII, 4/9; 14 – Киляковка, 1/5.

Fig. 12. Interments of the Oguz, 2nd sex-age group. 1 – Krasny Oktyabr, 1/2; 2 – Komsomolsky, 1/1; 3 – Staritsa, 21/3; 4 – Solodovka, 5/4; 5 – Staritsa, 7/18; 6 – U-85 (Barun), 1/5; 7 – Krasnaya Derevnya, 15/8; 8 – Kryvaya Luka-III, 1/23; 9 – Kos Oba, 11/2; 10 – U-85 (Barun), 3/4; 11 – Evdyk-I, 7/8; 12 – Malyaevka-V, 6/1; 13 – Tsagan Usn-VII, 4/9; 14 – Kilakovka, 1/5.

Abb. 12. Grabstätten der 2. Geschlechts- und Altersgruppe der Ogusen. 1 – Krasnyj Oktjabr', 1/2; 2 – Komsomol'skij, 1/1; 3 – Starica, 21/3; 4 – Solodovka, 5/4; 5 – Starica, 7/18; 6 – U-85 (Barun), 1/5; 7 – Krasnaja Derevnja, 15/8; 8 – Krivaja Luka-I, 1/23; 9 – Kos Oba, 11/2; 10 – U-85 (Barun), 3/4; 11 – Evdyk-I, 7/8; 12 – Maljajevka-V, 6/1; 13 – Cagan Usi-VII, 4/9; 14 – Kiljakovka, 1/5.

Dess. 12. Les tombeaux du 2-ème groupe d'âge et de sexe des Ogouzes. 1 – Krasny Oktiabr, 1/2; 2 – Komsomolsky, 1/1; 3 – Staritsa, 21/3; 4 – Solodovka, 5/4; 5 – Staritsa, 7/18; 6 – U-85 (Baroun), 1/5; 7 – Krasnaya Derevnja, 15/8; 8 – Kryvaya Louka-III, 1/23; 9 – Kos Oba, 11/2; 10 – U-85 (Baroun), 3/4; 11 – Evdyk-I, 7/8; 12 – Malyaévka-V, 6/1; 13 – Tsagan Ousn-VII, 4/9; 14 – Kilakovka, 1/5

курганных погребений на одних и тех же грунтовых могильниках (Косика и Лбище, бэровские бугры Волжской дельты). 2. Распространение в огузской среде погребений с положением тел умерших с разворотом на бок – обычай, более характерный для женщин алано-болгарского населения (Бахтияровка, 32/12; Косика; Лбище; Маяк Октября-90, 1/2; Никольское-V, 1/4, скелет 2; Черноярский, 1/1, 1/2, 4/5). 3. Распространение у огузов коллективных и парных захоронений, характерных также для алан и болгар. 4. Практикование огузами сооружения небольших семейно-клановых могильников. 5. Распространение копоушек – общей специфической категории бытовых предметов как для огузов, так и для салтово-маяцкого населения (табл.3, 4, п.1). 6. Несомненное существование тесных взаимоотношений между населением, оставившим Саркельский кочевнический могильник, и остальными жителями этого города.

Обряд разрушения скелетов по каким-то причинам практически не применялся по отношению к погребениям знатных и богатых воинов-батыров (Маяк Октября-91, 4; Пятнадцатый поселок, 3/7; Рахинка, 3 и др., исключение – Бахтияровка, 55/5), для которых был более характерен обряд разрушения шкуры сопровождающего человека коня, а только лишь к рядовым членам общества обоего пола. Но этот, пока еще не вполне ясно понимаемый факт погребальной практики огузов, сам по себе является косвенным подтверждением реальности обряда обезвреживания, так как, если бы все это было результатом ограблений, то, надо полагать, грабили бы в первую очередь наиболее богатые могилы, а они как раз остались целыми. В любом случае, для оценки особенностей погребального обряда средневековых огузов мы предлагаем учитывать признак 13 – нарушение целостности состава костей человеческого скелета и всего погребения в целом.

Особенности обряда погребения человека с конем

Изучение особенностей расположения конских останков в могилах средневековых кочевников Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. убедило нас в том, что лишь в очень редких случаях умерших сопровождали просто отделенные нижние части ног коня. В большинстве случаев погребенных сопровождало чучело, т.е. голова и набитая соломой шкура животного вместе со скаковыми конечностями, а иногда и с некоторыми другими костями скелета (ребрами, лопатками) и хвостом. Скаковые конечности в погребальных шкурах коней у огузов и печенегов, в отличие от кипчаков, половцев и хазар, выбирались исключительно до первого, путового или, реже, до второго, пястного скакового сустава. Все это вроде бы давно и хорошо всем известно (Плетнева С.А., 1963, с.238; Атавин А.Г., 1984, с.134-141). Но далеко не во всех случаях кости коней, обнаруживаемые в погребениях, можно считать именно останками чучел, как это общепринято в настоящее время. Иначе непонятно, например, как можно было достичь в узком пространстве могильной ямы при захоронении набитого соломой чучела аккуратного расположения скаковых конечностей (часть погребений вариантов 2 и 4 типа 1 классификации А.Г.Атавина). При укладке в могилы чучел коня, мы полагаем, не было ни смысла, ни самой возможности для аккуратного расположения конечностей. Значит, только в этих, достаточно редких случаях, кочевники укладывали именно конские конечности, расположение которых, имитировало не растянутое чучело, а сложенную шкуру (Бахтияровка, 32/12; Ильевка, 9/1, 2; Ровное, 4/7, рис.15, 2; 16, 13). Но сложенную шкуру коня, а тем

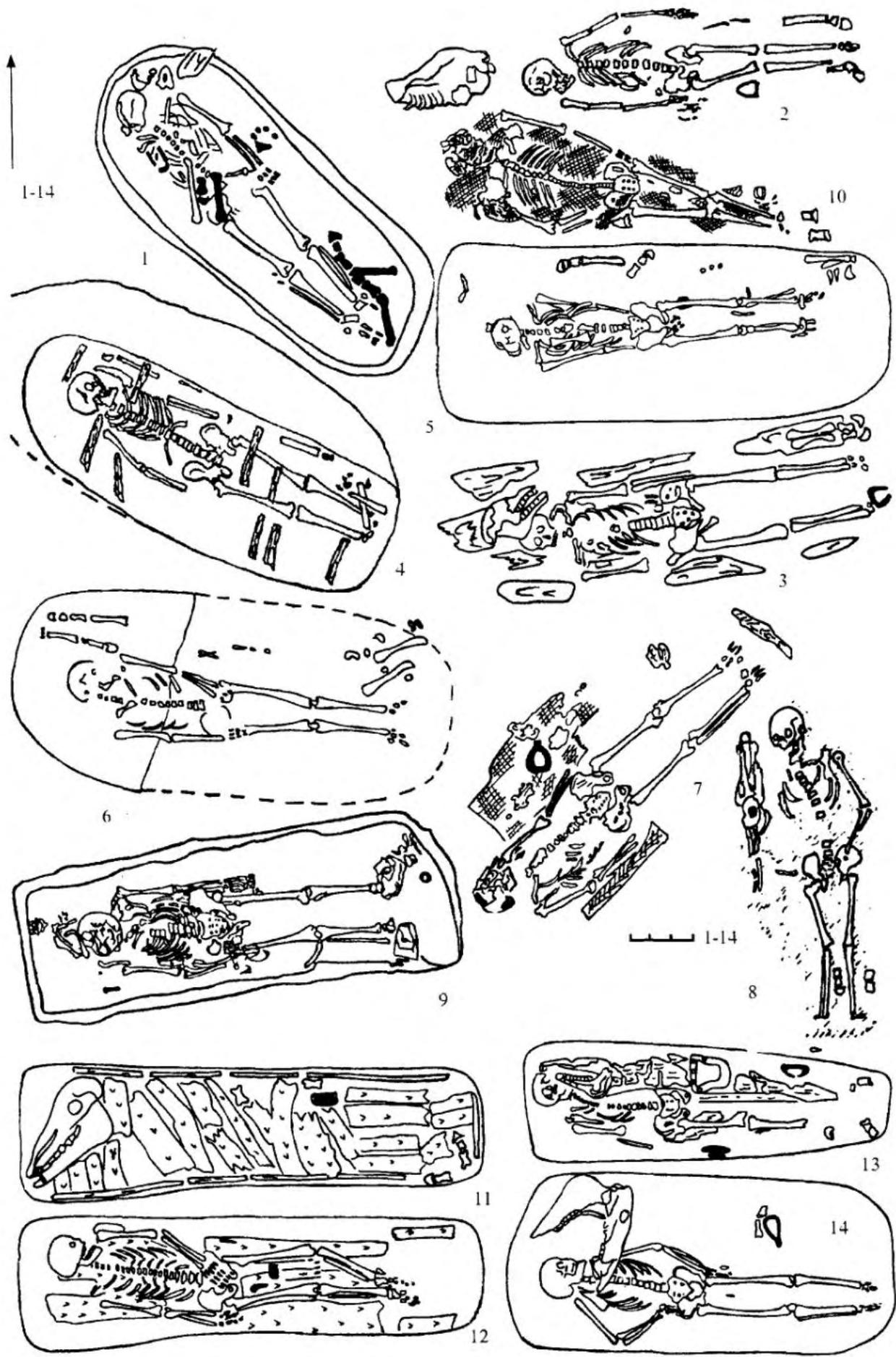

Рис. 13. Погребения 2-й половозрастной группы огузов. 1 – Светлое Озеро, 6/6; 2 – Первомайский-VII, 12/3; 3 – Киляковка, 3/2; 4 – Первомайский-VII, 10/1; 5 – Черноярский, 2/2; 6 – Алексаикино, 4/2; 7 – Кривая Лука-VI, 1/5; 8 – Степаневка-II, 6/1; 9 – Калиновский, 1/7; 10 – Алешкин, 1/2; 11, 12 – Вертячий, 6/1; 13 – У-85 (Барун), 4/2; 14 – Царев, 11.

Fig. 13. Interments of the Oguz, 2nd sex-age group. 1 – Svetloye Ozero, 6/6; 2 – Pervomaysky-VII, 12/3; 3 – Kilakovka, 3/2; 4 – Pervomaysky-VII, 10/1; 5 – Tchernoyarsky, 2/2; 6 – Alexachkino, 4/2; 7 – Krivaya Luka-VI, 1/5; 8 – Stepanevka-II, 6/1; 9 – Kalinovsky, 1/7; 10 – Alechkine, 1/2; 11, 12 – Vertyatchy, 6/1; 13 – U-85 (Barun), 4/2; 14 – Tsarev, 11.

Abb. 13. Grabstätten der 2. Geschlechts- und Altersgruppe der Ogusen. 1 – Svetloje Ozero, 6/6; 2 – Pervomajskij-VII, 12/3; 3 – Kiljakovka, 3/2; 4 – Pervomajskij-VII, 10/1; 5 – Černojarškij, 2/2; 6 – Aleksaškino, 4/2; 7 – Krivaja Luka-VI, 1/5; 8 – Stepanevka-II, 6/1; 9 – Kalinovskij, 1/7; 10 – Aleškin, 1/2; 11, 12 – Vertjačij, 6/1; 13 – U-85 (Barun), 4/2; 14 – Carev, 11.

Dess. 13. Les tombeaux du 2-ème groupe d'âge et de sexe des Ogouzes. 1 – Svetloyé Ozéro, 6/6; 2 – Pervomaïsky-VII, 12/3; 3 – Kilakovka, 3/2; 4 – Pervomaïsky-VII, 10/1; 5 – Tchernoyarsky, 2/2; 6 – Alexachkino, 4/2; 7 – Krivaya Louka-VI, 1/5; 8 – Stepanevka-II, 6/1; 9 – Kalinovsky, 1/7; 10 – Alechkine, 1/2; 11, 12 – Vertiaty, 6/1; 13 – U-85 (Baroun), 4/2; 14 – Tsarev, 11.

более ее имитацию, считать чучелом мы не можем. К сожалению, данное обстоятельство до сих пор остается незамеченным специалистами. Но на долю подобных погребений у А.Г.Атавина приходится почти 31 захоронение, что составляет 75% от всего количества учтенных им материалов X-XI вв. Только лишь растянутую по всему дну могилы шкуру коня достоверно мы можем называть чучелом (рис.7, 1, 3; 9, 4, 5; 10, 2, 6, 7; 11, 2; 9, 4, 5; 13, 1, 4-6; 15, 3, 7, 9).

Особенностью огузского погребального обряда является положение в могилы не только растянутых, но и сложенных шкур коней. От растянутых шкур археологам остается такое положение метаподий, при котором череп, если он есть, находится у одного края могилы, задние ноги – у противоположного, передние – в центре, вместе с седлом и стремянами. От сложенных шкур остаются лежащие рядом, порой прямо друг на друге, неопределенные кучки костей (рис.7, 8; 9, 7; 10, 4, 10; 11, 4, 6; 12, 4, 13; 13, 3, 11, 13, 14; 15, 5; 16, 9).

Растянутые шкуры коней (признаки 46, 47) в погребениях кочевников 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. степей Северного Прикаспия зафиксированы исключительно в положении над погребенными. Их расположение, очевидно, означало, что покойник в мир мертвых отправлялся сидящим на своем коне. В некоторых случаях погребенного, по-видимому, просто накрывали шкурой ездового животного.

Достаточно распространенным для населения региона являлось помещение в могиле, обычно над нижней частью погребенного от пояса до ног, сложенной шкуры. Череп животного, если он был, то фиксировался либо вместе с костями ног, либо находился в районе головы погребенного, т.е. укладывался отдельно от шкуры (признаки 48-50). Но располагаются сложенные шкуры как на дне могил (предполагаемый печенежский признак), так и в их засыпях (огузский признак). При определе-

нии конкретного вида шкур, находимых в погребениях, следует иметь в виду, что они, как и скелеты погребенных, также часто разрушались в обрядовых целях. Неоднократно фиксируемые случаи отсутствия в могилах черепа коня или отдельных скаковых конечностей (признаки 27, 28) однозначно могут связываться с проявлениями обряда обезвреживания коня покойного. При нахождении же в могилах только одной или двух скаковых конечностей определить тип шкуры невозможно.

Как известно, в X в. огузы состояли из двух больших этнических групп, салыров и барани, что являлось пережитком дуальной фратриальной организации. Среди входивших в них родов различались как чистокровные, так и примкнувшие иные тюркоязычные группы (Агаджанов С.Г., 1969, с.106). Возможно, отражением именно этой системы и были зафиксированные археологическими источниками два упомянутых варианта укладок конских шкур в погребениях. Если растянутая шкура может считаться типично кочевым, общеэвразийским степным обрядовым признаком, то сложенная шкура и ее имитация являются проявлением обычая иного населения, не степного, возможно, уральского или среднеазиатского происхождения.

Поскольку характер укладки шкуры коня в погребальном обряде является культурнозначимой чертой, то это поставило перед нами несколько вопросов. В случаях отсутствия гробов и перекрытий в могилах, отделяющих покойника от сопровождающего его коня, достаточно тяжелые и объемные шкуры животных с течением времени могли оседать на дно могил до уровня залегания погребенных. Получалось, что часть захоронений, в которых кости животных и предметы сбури оказывались зафиксированы лежащими непосредственно на костях человека (признак 36), ранее ошибочно трактовались нами как лежащие на одном уровне с

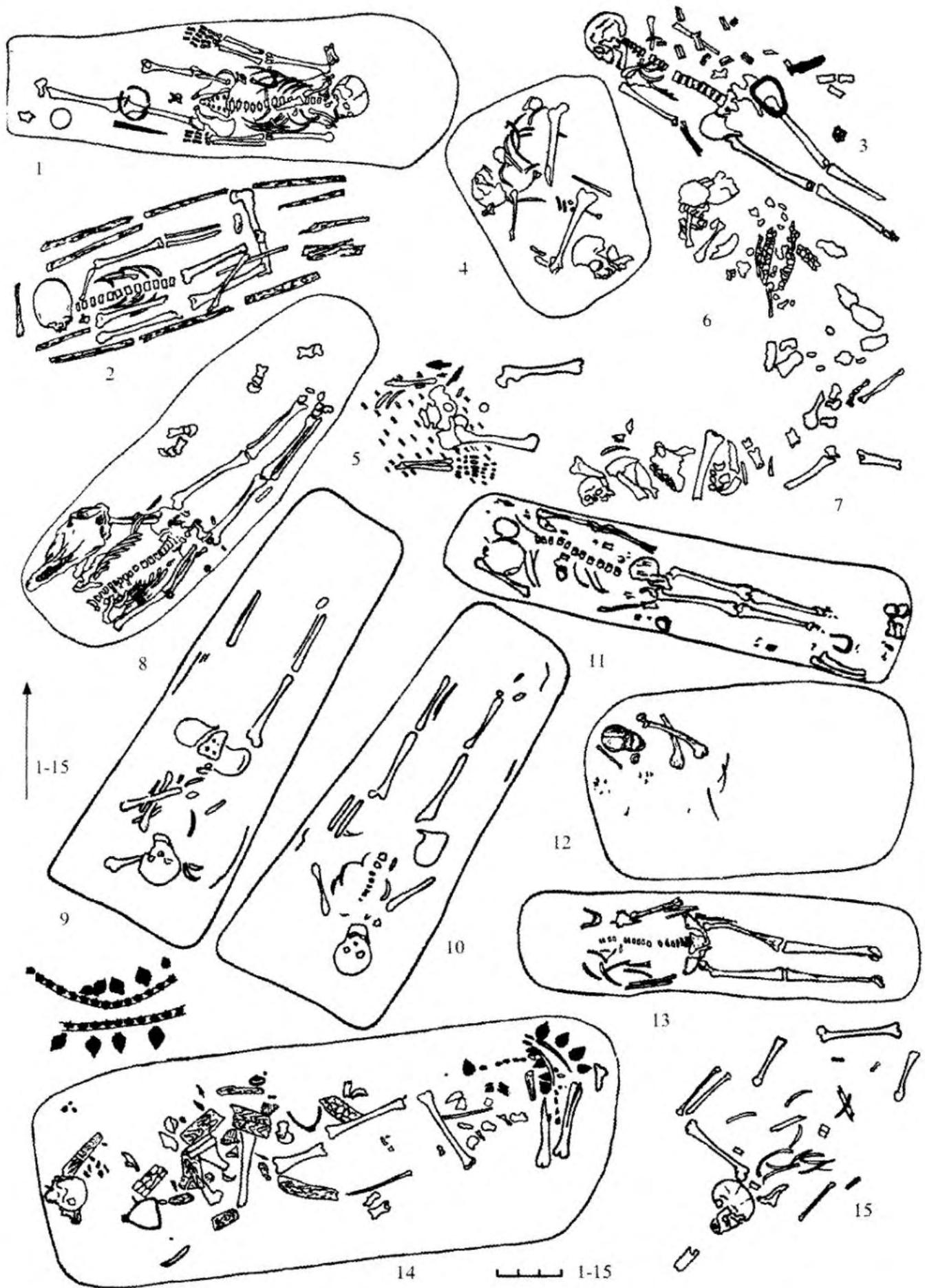

Рис. 14. 1 – Букановский; 2 – Громки, 3/1; 3 – Трясиновский, 1/1; 4 – Покровка-II, 1/1; 5 – Волчанский, 6/1; 6 – Быково-I, 21/3; 7 – Ханата, 5/18; 8 – Саркел, 5; 9 – Ленинск, 3/2; 10 – Ленинск, 3/7; 11 – Эльтон-83, 7/2; 12 – Торгунское, 1/5; 13 – Солянка, 3/1; 14 – Бахтияровка, 55/5; 15 – Волжский-II, 2/9.

Fig. 14. 1 – Bukanovsky; 2 – Gromki, 3/1; 3 – Tryasinovsky, 1/1; 4 – Pokrovka-II, 1/1; 5 – Voltchansky, 6/1; 6 – Bykovo-I, 21/3; 7 – Khanata, 5/18; 8 – Sarkel, 5; 9 – Leninsk, 3/2; 10 – Leninsk, 3/7; 11 – Elton-83, 7/2; 12 – Torgounsky, 1/5; 13 – Solianka, 3/1; 14 – Bakhtiyarovka, 55/5; 15 – Voljskiy-II, 2/9.

Abb. 14. 1 – Bukanovski; 2 – Gromki, 3/1; 3 – Trjasinovskij, 1/1; 4 – Pokrovka-II, 1/1; 5 – Volčanskij, 6/1; 6 – Bykovo-I, 21/3; 7 – Hanata, 5/18; 8 – Sarkel, 5; 9 – Leninsk, 3/2; 10 – Leninsk, 3/7; 11 – Elton-83, 7/2; 12 – Torgounskoje, 1/5; 13 – Soljanka, 3/1; 14 – Bahtijarovka, 55/5; 15 – Volžskij-II, 2/9.

Dess. 14. 1 – Bukanovski; 2 – Gromki, 3/1; 3 – Triassinovka, 1/1; 4 – Pokrovka-II, 1/1; 5 – Voltchanka, 6/1; 6 – Bykovo-I, 21/3; 7 – Khanata, 5/18; 8 – Sarkel, 5; 9 – Léninsk, 3/2; 10 – Léninsk, 3/7; 11 – Elton-83, 7/2; 12 – Torgounsk, 1/5; 13 – Solianka, 3/1; 14 – Bakhtiyarovka, 55/5; 15 – Voljski-II, 2/9

погребенными. Соответственно этому, они интерпретировались печенежскими (Быково-I, 14/3 и 16/9; Калиновский, 1/7; Кос Оба, 11/2; Кривая Лука-V, 4, -VII, 9/16; Первомайский-VII, 10/1; Рубежка; Светлое Озеро, 6/6; Старица, 7/18; Царев, 11; Цаган Усн-VII, 4/9; Эльтон-83, 7/2, -85, 7/2 и др.). Эти погребения сопровождались маловыразительным, но достаточно архаичным могильным инвентарем. Обычно, он включал в себя цельнолитые бронзовые пряжки среднеазиатского происхождения с простыми бесщитковыми проволочными приемниками разнообразных типов, костяные пряжки, костяные наконечники стрел, специфические бляхи с прорезями для подвешивания дополнительных ремней, бляхи-лунницы с ушками и без, обычно, лишенные художественно-технологических излишеств в виде растительной орнаментации, тиснения, чернения и золочения, сложносоставные луки, укрепленные длинными концевыми роговыми накладками, расширяющимися к центру, и узкими овальными срединными боковыми. В этих погребениях можно видеть кочевое население, явно имеющее восточное, центрально- или среднеазиатское происхождение. Эти могилы, образно говоря, “1-й волны завоевателей новой родины”, являются к тому же, как правило, почти исключительно мужскими, что выглядит несколько необычно на фоне большого количества женских погребений X в. В настоящее время, предварительно, мы датировем их сер. – 2-й пол. IX в. и отличаем от более поздних захоронений X в., обладавших более четко выраженным обрядом расположения коня над человеком, сопровождавшихся значительно более богатым и разнообразным могильным инвентарем.

После исключения из анализа огузо-печенежской погребальной обрядности группы более ранних, чем исследуемые, в основном лесостепных захоронений VIII – 1-й пол. IX в., в настоящее время признаваемых исследователями протовенгерскими и раннеболгарскими (типа 116 км, Немчанки, Луговского, Золотой Нивы, 1/1 и 2, а также нескольких, ранее также использовавшихся захоронений

караякуповского типа Южного Урала), число погребений, для которых можно было бы предполагать печенежскую интерпретацию, сократилось до минимума. Но оказалось, что и оставшиеся памятники, сопровождающиеся костями или сложенными шкурами коней (табл.6, 6а), положенных на одном уровне с погребенными, в той или иной степени также имеют огузские черты. Так, захоронения из Новоникольского-II, 1/7 и Ровного, 4/7 сооружены в вытянутой дюне и в кургане овальной формы. В ряде захоронений зафиксированы не связанные с ограблениями разрушения скелетов. В обеих обрядовых группах оказались комплексы со специфическими кочевническими глиняными горшками (Батаевка; Бахтияровка, 32/12; Быково-I, 10/11; Кара Оба, 10/1; Степана Разина, 1/10), что было бы невозможно при одновременном существовании подобных памятников или при их разнокультурности. Курганы 7 и 8 из Верхнего Балыкля-II настолько близко расположены друг к другу, что это может косвенно свидетельствовать об однокультурности или, по крайней мере, о синхронности обнаруженных в них погребений. Но варианты расположения конских останков относительно погребенного человека в этих комплексах выявлены разные. Следовательно, остается предположить, что погребения, ранее выделяемые В.А.Кригером и нами как совершенные по печенежскому обряду (признак 35), могут и не являться таковыми. В степях Северного Прикаспия они не образуют какой-либо самостоятельной устойчивой группы и, соответственно, самостоятельного культурно-хронологического горизонта. Его либо не было здесь вообще, либо мы оказываемся не в состоянии его четко и достоверно уловить из-за, вероятно, относительной кратковременности данного события. По-видимому, печенеги, постоянно воевавшие со всеми возможными соседями, в этот период своей истории, как и предполагала С.А.Плетнева, находились на таборной стадии кочевания, от которой, как известно археологам практически не остается никаких следов (Плетнева С.А., 1982, с.24-26). Возможно, что печенеги оставили другие, более

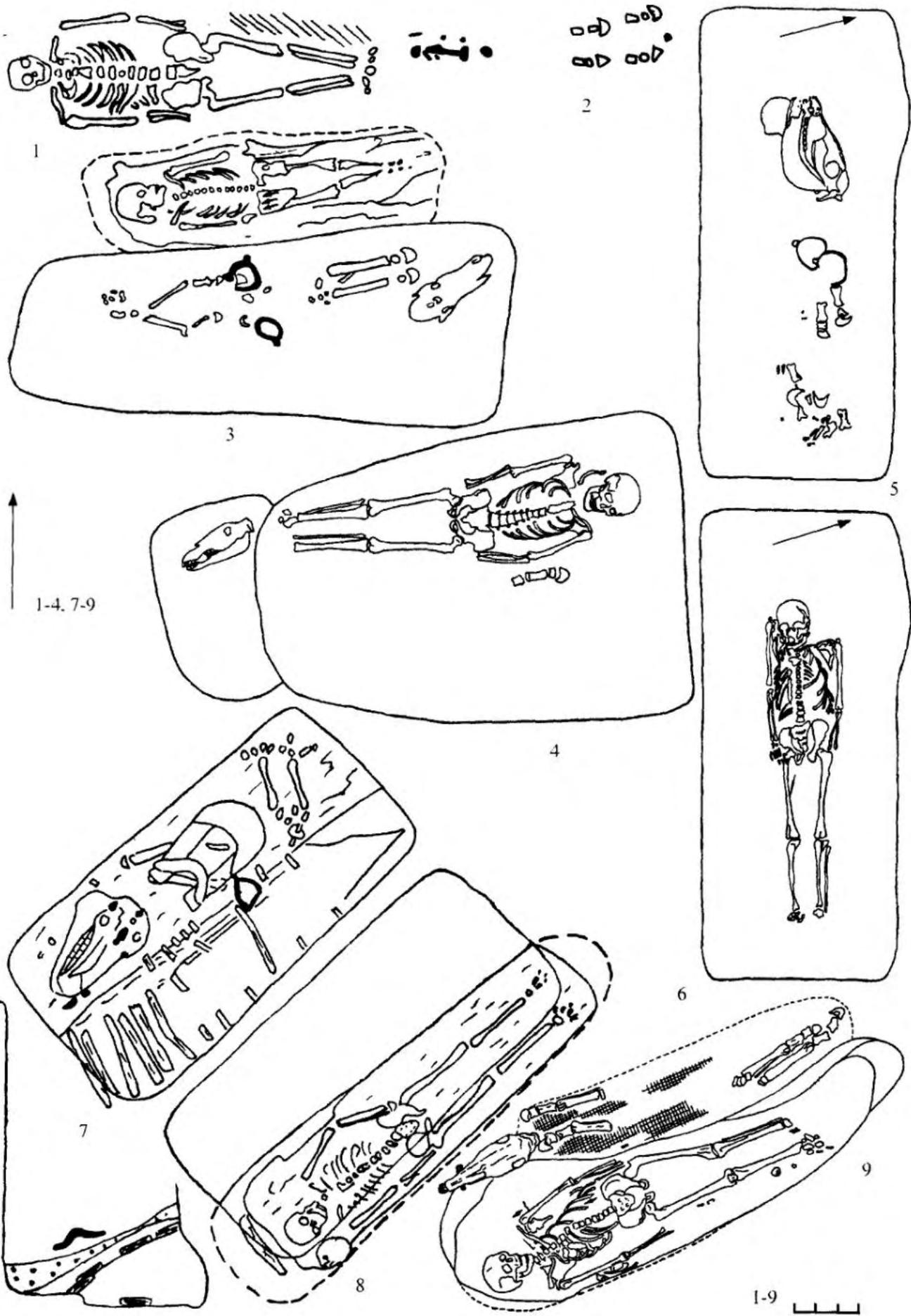

Рис. 15. 1, 2 – Ильева, 9/1, 9/2; 3 – Карасу-1, 20 (по Г.К.Кокебаевой); 4 – Барановка-72 (Астрах. обл.), 23; 5, 6 – Лбище, погр.4; 7, 8 – Болгарка, 1/3; 9 – Саркел, 43.

Fig. 15. 1, 2 – Ilievka, 9/1, 9/2; 3 – Karasou-1, 20 (in G.K.Kokebaeva); 4 – Baranovka (region of Astrakhan), 23; 5, 6 – Lbichtche, int.4; 7, 8 – Bolgarka, 1/3; 9 – Sarkel, 43.

Abb. 15. 1, 2 – Il'jevka, 9/1, 9/2; 3 – Karasu-1, 20 (in G.K.Kokebaeva); 4 – Baranovka (Gebiet Astrachan), 23; 5, 6 – Lbišče, Grab 4; 7, 8 – Bolgarka, 1/3; 9 – Sarkel, 43.

Dess. 15. 1, 2 – Iliévka, 9/1, 9/2; 3 – Karassou-1, 20 (d'après G.K.Kokebaeva); 4 – Baranovka (région d'Astrakhan), 23; 5, 6 – Lbichtché, sép.4; 7, 8 – Bolgarka, 1/3; 9 – Sarkel, 43

ранние по времени комплексы, типа захоронений кон.VIII – нач.IX в. из Текели (Агеева Е.А., Джусупов А., 1963, с.177, 178) и Эмбы (Бисембаев А.А., Книсарин Б.А., 2000, с.88-98), но здесь особенности погребального обряда зафиксированы не были.

До настоящего времени общепринятой является точка зрения о том, что появление печенегов в Северном Причерноморье носило единовременный характер нашествия и относится к рубежу 80-90 гг. IX в. Эта версия опирается на даты хроники Регино и Константина Багрянородного. Однако перемещение печенегов в Причерноморье, очевидно, носило более сложный характер. Оно началось задолго до указанной даты, по-видимому, уже во 2-й четв. IX в. Так, под 833 г. византийские источники одновременно с рассказом о строительстве Саркела сообщили также и о присутствии печенегов на Дунае (Гаркави А.Я., 1874, с.53, прим.1). По данным Баварского Географа, венгры, главные противники печенегов, уже к 839 г. были оттеснены ими в самые крайние пределы Северо-Западного Причерноморья (Херрман И., 1988, с.162, № 46). Ч.Балинт, основываясь на анализе сообщений Кембриджского Анонима, пришел к выводу о реальности появления печенегов в Причерноморье приблизительно в 840 г. В 50 гг. IX в. они приняли активное участие в кабарском восстании против хазар (Балинт Ч., 1972, с.184). Все эти данные позволяют по-иному осмыслить и возможные причины строительства укрепленных крепостей в Подонье, ставшем именно в связи с печенежской опасностью стратегическим для хазар. Наконец, по данным Никоновской летописи первые столкновения печенегов с дружинами русских князей Аскольда и Дира относятся к 864 и 875 гг. (ПСРЛ, 1862, с.9; Рыбаков Б.А., 1982, с.306-308). По всей видимости, именно прорвавшиеся в Причерноморье самые ранние группировки печенегов и имел в виду автор Худуд ал-Алема под названием “хазарские”, отличая их от “тюркских” (Худуд ал-Алем, 1930, с.24), т.е., вероятнее всего, оставшихся вместе с огузами в Заволжье и зафиксированных там Ибн-Фадланом в X в. (Ковалевский А.П., 1956). Разгромленные огузами печенеги уже в сер. IX в., в основном, были вытеснены ими в Поднепровье. Их отдельные группировки, которые по данным письменных источников сохранялись в Прикаспии, проживали либо в

еще малоисследованных северных лесостепных районах данного региона, либо, влившись в состав огузской конфедерации, находились в стадии ассимиляции. В любом случае, они не играли в Северном Прикаспии какой-либо значительной роли не только в X в., но, видимо, даже и в IX в. (Агаджанов С.Г., 1969, с.131; Кригер В.А., 1986, с.116, 117). На фоне этих фактов сообщения хроники Регино и Константина Багрянородного о появлении печенегов в Причерноморье между 889 и 893 гг. можно рассматривать как возможное указание на время не начала, а завершения процесса перемещения их основных масс, на его заключительную волну.

Время возможного появления огузов в Северном Прикаспии в свете новых данных может быть отнесено ко 2-й пол. IX в. Представляется, что какое-то время (очевидно, 2-я пол. IX в.) население с предположительным печенежским обрядом (признак 35, табл.6, ба), интенсивно контактировало с ранними огузами (признак 36), но уже при явном доминировании последних. Среди захоронений, совершенных по печенежскому обряду, нет комплексов, достоверно датирующихся X в. Это подтверждается и данными письменных источников, в частности, сообщением Ибн-Фадлана о подчиненном положении оставшихся в Северном Прикаспии печенегов огузам. Как нам представляется, выявляемое состояние археологических памятников региона отражает именно эту, зафиксированную источниками, борьбу печенегов с огузами и ее итог – инфильтрацию части печенегов в состав конфедерации огузов. Так, в “Родословной туркмен” сообщается, что некоторая группа населения среди них (ички-салыры) имела смешанное огузо-печенежское происхождение (Агаджанов С.Г., 1969, с.131).

Печенежский обряд положения сложенной шкуры коня на одном уровне с человеком в огузской среде видоизменяется. Помещение в могилу ног коня, в том числе только путовых костей, сложенных в ногах человека, сохраняется, но уже в рамках собственно огузского обряда, т.е. положения коня над погребенным. Достаточно широкое распространение последнего, мы полагаем, можно считать подтверждением шедшего в среде огузов процесса консолидации их в этническую общность (Агаджанов С.Г., 1969, с.146). Появление же в X в.

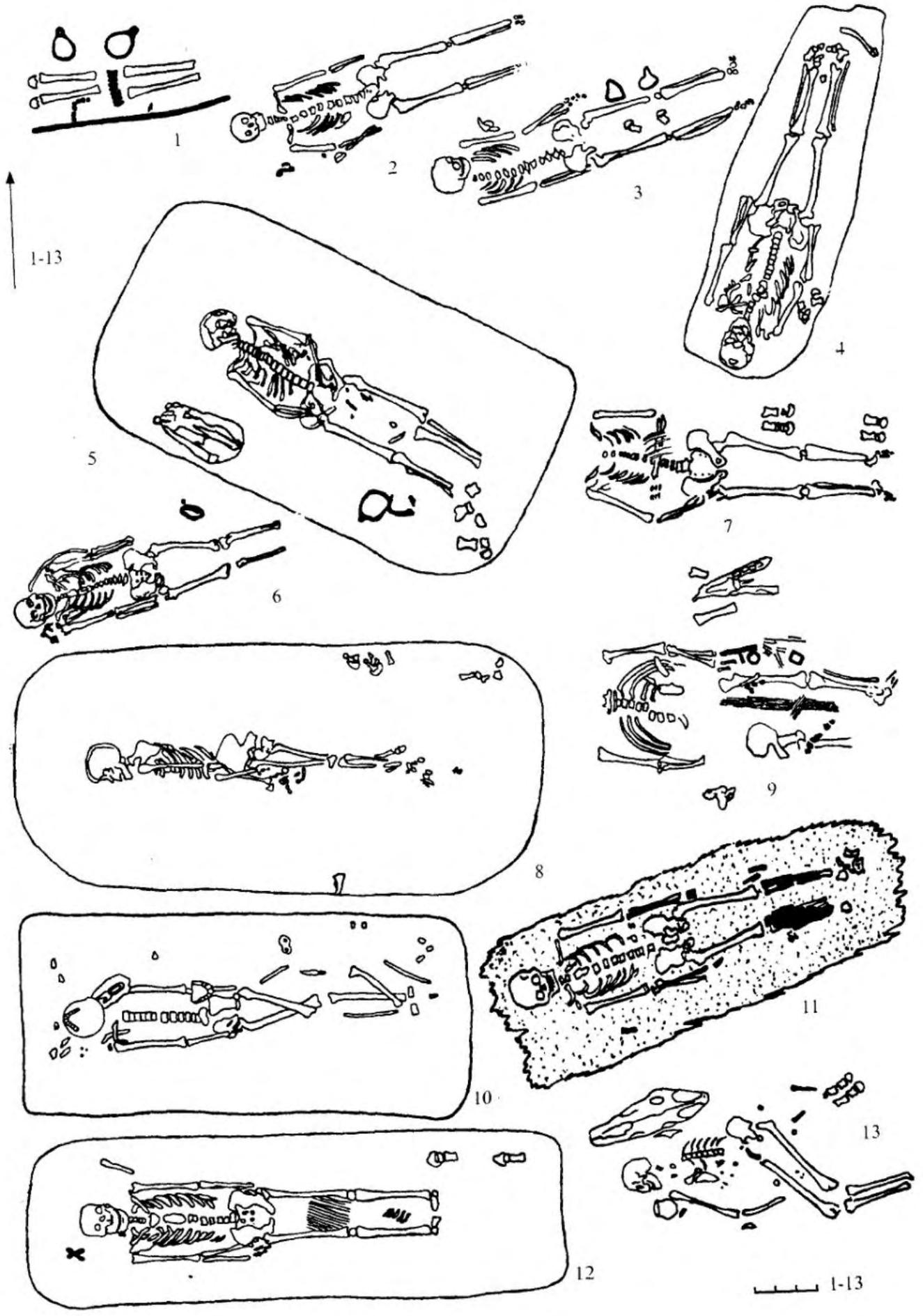

Рис. 16. 1 – Журов, 2/1; 2 – Колобовка-I, 6/1; 3 – Колобовка-I, 6/2; 4 – Быково-II, 26/5; 5 – Верхний Балыкле-лей-II, 8/1; 6 – Новоникольское-II, 1/7; 7 – Кара Оба, 6/1; 8 – Чернойарский, 1/1; 9 – Ленинск, 4/4; 10 – Рубежка, п. 3; 11 – Громки, 2/1; 12 – Чернойарский, 2/1; 13 – Бахтияровка, 32/12.

Fig. 16. 1 – Jourov, 2/1; 2 – Kolobovka-I, 6/1; 3 – Kolobovka-I, 6/2; 4 – Bykovo-II, 26/5; 5 – Verkhni Balyklej-II, 8/1; 6 – Novonikolskoye-II, 1/7; 7 – Kara Oba, 6/1; 8 – Tchernoyarsky, 1/1; 9 – Leninsk, 4/4; 10 – Roubejka, int.3; 11 – Gromki, 2/1; 12 – Tchernoyarsky, 2/1; 13 – Bahtiyarovka, 32/12.

Abb. 16. 1 – Žurov, 2/1; 2 – Kolobovka-I, 6/1; 3 – Kolobovka-I, 6/2; 4 – Bykovo-II, 26/5; 5 – Verhnij Balyklej-II, 8/1; 6 – Novonikol'skoje-II, 1/7; 7 – Kara Oba, 6/1; 8 – Černojarškij, 1/1; 9 – Leninsk, 4/4; 10 – Rubežka, Grab 3; 11 – Gromki, 2/1; 12 – Černojarškij, 2/1; 13 – Bahtijarovka, 32/12.

Dess. 16. 1 – Jourov, 2/1; 2 – Kolobovka-I, 6/1; 3 – Kolobovka-I, 6/2; 4 – Bykovo-II, 26/5; 5 – Verkhni Balyklej-II, 8/1; 6 – Novonikolskoye-II, 1/7; 7 – Kara Oba, 6/1; 8 – Tchernoyarski, 1/1; 9 – Léninsk, 4/4; 10 – Roubejka, sép.3; 11 – Gromki, 2/1; 12 – Tchernoyarski, 2/1; 13 – Bahtijarovka, 32/12

нового элемента обряда в виде отчленения ног коня по пястный сустав (признак 54) можно, видимо, считать уже более поздним – кимакским – влиянием на огузов.

В результате, большинство из обнаруженных в регионе захоронений IX-XI вв., в том числе и Саркельский могильник, логично укладывается в систему огузского обряда, что вполне соответствует исторической действительности того времени. Период этнокультурной гегемонии огузов в Северном Прикаспии продолжался почти два столетия. Соответственно, период этнокультурной гегемонии печенегов в Северном Причерноморье также длился около двух веков. Но, если в Северном Причерноморье огузских памятников практически нет, то печенеги, непосредственно прошедшие через степи Северного Прикаспия, оставили здесь некоторые следы своего пребывания (Круглов Е.В., 1994, с.37).

Значительное количество женских и детских захоронений, существование погребений знати, коллективных захоронений, выделение в структуре погребальной обрядности и признание широкого распространения среди населения обряда обезвреживания умерших, начинающиеся формироваться и обозначаться на местности собственные могильники ставят на повестку дня вопрос о стадии кочевания, на которой могли находиться огузы. Вышеназванные особенности погребальной обрядности являются яркими индикаторами перехода к оседлости, во всяком случае, начальной стадии этого процесса. В этой связи отметим, что к числу огузских относятся уже несколько курганов с основными захоронениями (Барановка-70, 1; Барановка, 23; Калиновский, 28; Карасу-I, 1, 8, 11, 20, 24; Кривая Лука-V, 4; Кумакский, 1; Маяк Октября-91, 4; Рахинка, 3; Тамар Уткуль, 3; Царев, 11; Челкар-II, 8; Челкар-III, 13; Чернойарский, 1, 2). Наконец, могильник близ Саркела в большинстве своем также состоит именно из основных захоронений. Памятниками с досыпками насыпей, совершенными в огузское время, являются комплексы из Никольского-V, 1 и Новой Квасниковки-I, 6. В послед-

нем вокруг погребения была устроена ритуальная площадка, на которой лежали черепа коровы, лошади, мелкого рогатого скота, фрагменты керамики (рис.11, 1). Существование аналогичной площадки, а может даже и досыпку насыпи кургана можно предполагать и для захоронения воина из Ченина, 8/4 (рис.11, 6, 7). Отметим также известное погребение со специальным деревянным настилом для шести остовов телят и шкуры коня, исследованное В.А.Городцовым у ст. Торской (Плетнева С.А., 1958, с.161). Наконец, достоверно зафиксированный бескурганый характер памятников из Успенки, Батаевки и Никольевки, наличие погребений в дюнах и бэровских буграх самим фактом своего существования также дают некоторые дополнительные данные для соответствующего анализа погребальной обрядности огузов. Специфический бытовой могильный инвентарь: свинцовые грузики-пломбы, ножницы, глиняная посуда, находимые в женских погребениях, только подтверждают все это. Находки 16 свинцовых грузиков-пломб, скреплявших шкурки пушных зверей, позволяют поставить вопрос о степени самого активного участия огузов в торгово-денежном меновом обращении кон. X – нач. XI в. между Халифатом и районами Средней Азии, с одной стороны, и набравшими мощь Киевской Русью и Волжской Булгарией – с другой (Культура Биляра, 1985, с.109-113). Существование у кочевников в Нижнем Поволжье в X в. центра обработки цветного металла, производившего вещи высокого художественного уровня, знавшего технику инкрустации, амальгамирования и чернения предполагает Л.М.Гаврилина (Гаврилина Л.М., 1987, с.64).

Состояние, в целом, характерное для второй стадии кочевания, отмечает для исследуемых памятников В.А.Иванов (Иванов В.А., 1993а, с.96). Мы определяем огузское общество, как находящееся на переходе от второй стадии кочевания к третьей. О соответствующей степени оседания огузов свидетельствует то, что к XI в. держава огузских ябгу уже являлась примитивным раннефеодальным государством со стационарным аппаратом управления,

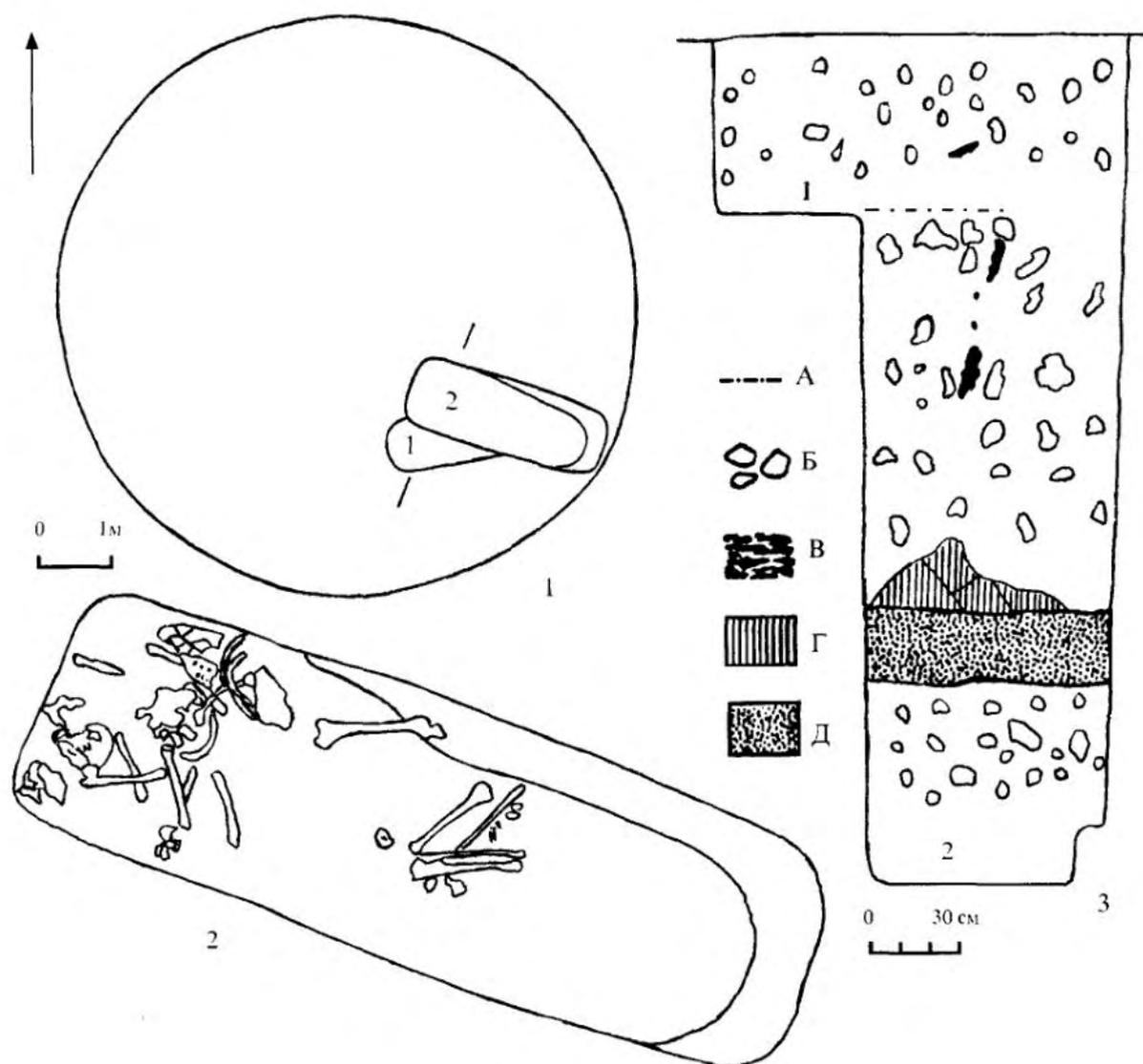

Рис. 17. Калиновский, 28/1 и 28/2, по В.П.Шилову (Шилов В.П., 1959). 1 – план кургана 28; 2 – план погребения 2; 3 – разрез погребений 1 и 2. А – уровень головы коня, Б – куски обожженной глины, В – куски обожженного дерева, Г – ошлакованные куски глины, Д – необожженная обмазка.

Fig. 17. Kalinovskiy, 28/1 and 28/2, according to V.P.Shilov (Шилов В.П., 1959). 1 – barrow 28 layout; 2 – interment 2 layout; 3 – interments 1 and 2 section. А – horse head level, Б – pieces of burnt clay, В – pieces of burnt wood, Г – slagged pieces of clay, Д – unburnt coating.

Abb. 17. Kalinovskij, 28/1 und 28/2, nach V.P.Šilov (Шилов В.П., 1959). 1 – Kurganplan 28; 2 – Bestattungsplan 2; 3 – Bestattungsschnitt 1 und 2. А – Pferdekopf-Ebene, Б – gebrannte Tonstücke, В – gebrannte Holzstücke, Г – verschlackte Tonstücke, Д – ungebrannter Anstrich.

Dess. 17. Kalinovskiy, 28/1 et 28/2, d'après V.P.Chilov (Шилов В.П., 1959). 1 – plan du tumulus 28; 2 – plan de l'inhumation 2; 3 – section des inhumations 1 et 2. А – niveau de la tête de cheval, Б – morceaux d'argile cuite, В – morceaux d'arbre brûlé, Г – morceaux d'argile recouverts de laitier, Д – revêtement non cuit

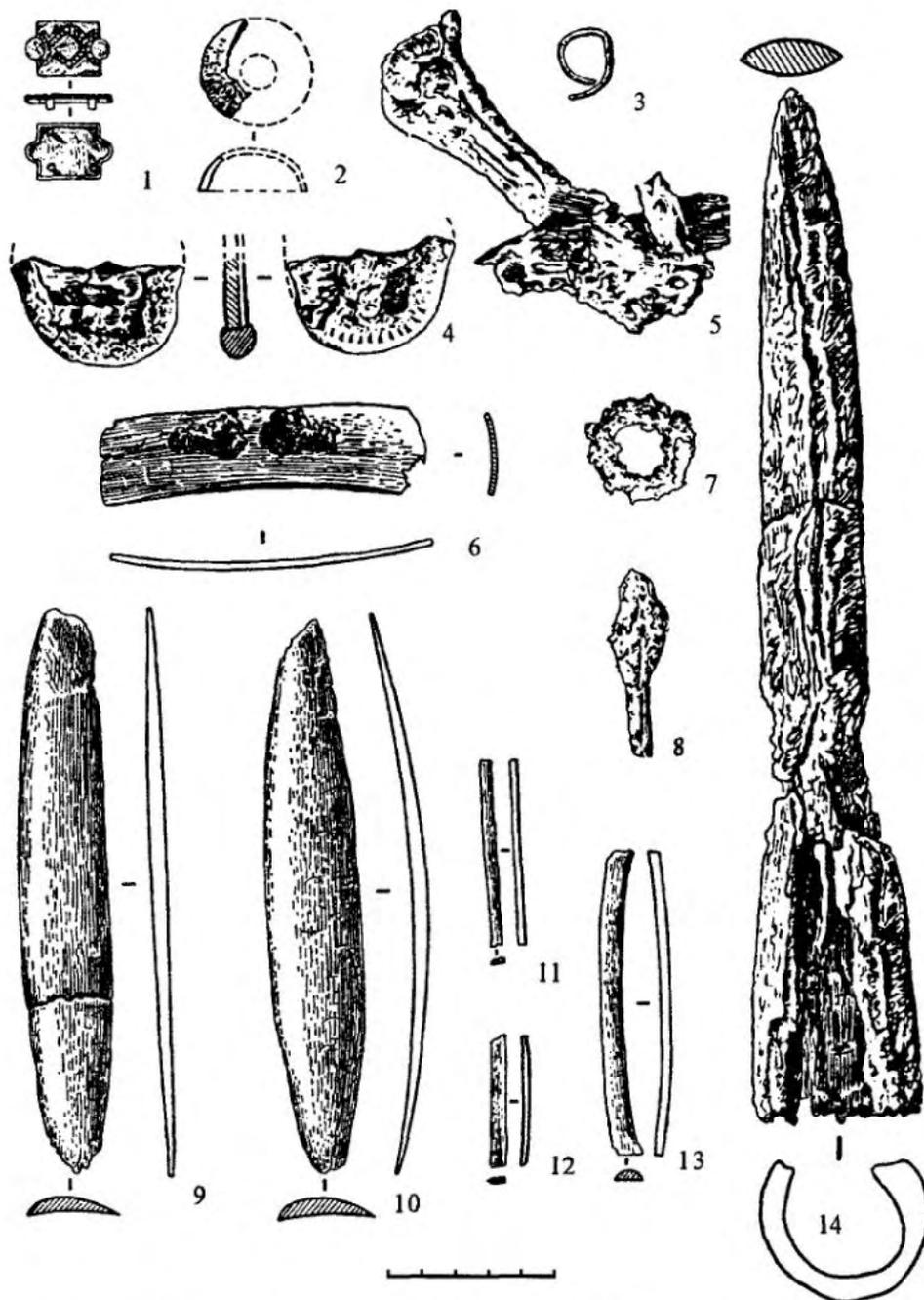

Рис. 18. Могильный инвентарь из погребения Калиновский, 28/2, по В.П.Шилову (Шилов В.П., 1959). 1, 2 – бляхи; 3 – височная серьга; 4 – наконечник ножен кинжала; 5 – удила; 6 – накладка кармана колчана; 7 – кольцо для соединения ремней; 8 – наконечник стрелы; 9, 10 – накладки лука; 11-13 – боковые накладки колчана; 14 – наконечник копья. 1, 4 – серебро; 2 – бронза; 3 – золото; 4, 5, 7, 8, 14 – железо; 6, 9-13 – рог, кость.

Fig. 18. Grave stock from Kalinovskij interment 28/2, according to V.P.Shilov (Шилов В.П., 1959). 1, 2 – plates; 3 – temple ring; 4 – dagger sheath point; 5 – bit; 6 – quiver pocket facing; 7 – belt-joining ring; 8 – arrow-head; 9, 10 – bow facing; 11-13 – side facing of quiver; 14 – spear-head. 1, 4 – silver; 2 – bronze; 3 – gold; 4, 5, 7, 8, 14 – iron; 6, 9-13 – horn, bone.

Abb. 18. Grabinventar aus der Bestattung Kalinovskij, 28/2, nach V.P.Silov (Шилов В.П., 1959). 1, 2 – Blechplatten; 3 – Schläfenring; 4 – Endstück einer Dolchscheide; 5 – Gebiss; 6 – Köchertaschenlasche; 7 – Riemenverbindungsring; 8 – Pfeilspitze; 9, 10 – Bogenlaschen; 11-13 – seitliche Köcherlaschen; 14 – Speerspitze. 1, 4 – Silber; 2 – Bronze; 3 – Gold; 4, 5, 7, 8, 14 – Eisen; 6, 9-13 – Horn, Bein.

Dess. 18. Mobilier funéraire de l'inhumation Kalinovskij, 28/2, d'après Chilov V.P. (Шилов В.П., 1959). 1, 2 – fibules; 3 – boucle d'oreille temporelle; 4 – pointe de la gaine d'un poignard; 5 – mors; 6 – applique à la poche d'un carquois; 7 – anneau de joncture des ceintures; 8 – pointe d'une flèche; 9, 10 – appliques pour un arc à tir; 11-13 – appliques de côté d'un carquois; 14 – pointe d'une lance. 1, 4 – argenteries; 2 – bronzes; 3 – ors; 4, 5, 7, 8, 14 – objets en fer; 6, 9-13 – objets en corne et en os

фискально-налоговой системой, аильной системой кочевания большинства населения (Агаджанов С.Г., 1969, с.120, 146).

В Северном Прикаспии огузы занимались полукочевым и отгонным скотоводством, главным образом коневодством. Письменные источники X в. (Масуди, Идриси, Махмуд Кашгарский и др.) свидетельствуют о существовании у огузов городов и крепостей, о наличии среди них значительной части оседлого населения, занимавшегося пашенным земледелием и домашним ремеслом (Агаджанов С.Г., 1969, с.87-99). Зимние стоянки со специфической керамикой саркельского типа зафиксированы на правом берегу р. Волги в районе с. Болхуны, Сероглазово, Досанг и Исекей (Белецкий В., 1962, с.63). Значительное количество погребений ориентировано на запад с южными отклонениями, что свидетельствует о том, что они совершались зимой, недалеко от зимних стоянок (Плетнева С.А., 1963, с.259). В Саркеле доля таких погребений составляет 75%, среди погребений 1-й ПВГ (женских) таких 48%, среди захоронений 2-й ПВГ (мужской) их 27%, хотя, в целом, среди мужских 34%.

В письменных источниках содержатся многочисленные факты, свидетельствующие о глубоком социальном расслоении огузов в X в. Ибн-Фадлан отмечает наличие знати, свободной бедноты и бесправных рабов (Агаджанов С.Г., 1969, с.108, 109). Археологический материал подтверждает все эти известия. На фоне основной массы достаточно маловыразительных захоронений рядовых членов общества выделяются 10-15 комплексов кочевой знати. Кони, сопровождавшие погребенных, в некоторых из этих памятников, как уже отмечалось, были снабжены уздой, ремни которой украшались многочисленными серебряными и бронзовыми накладками, пряжками. Среди этих предметов особенно выделяются большие декоративные бляхи-решмы, украшавшие центральную часть конского оголовья (рис.6, 1, 2). Погребенные воины, помимо обычного комплекта лучника, вооружались саблями. У многих из них имелись наборные пояса, у некоторых их было два. В одних случаях указанные погребения могли принадлежать главам небольших семейных подразделений, по-видимому, еще являвшихся патриархально-клановыми (Быково-I, 16/9; Заплавное, 3/3; Карасу-I, 20; Колобовка-III, 1/3; Кривая Лука-XV, 2/6; Новая Квасниковка-I, 6/1; У-85 (Барун), 4/2). В других, они могли принадлежать известным по тюркоязычному эпосу воинам-батырам, несомненно, уже выделившимся из состава таких подразделений (Бахтияровка, 55/5; Верхний Балыклей-II, 5/1; Купцын Толга, 46/5; Маяк Октября-91, 4; Никольское-V, 1/4; Новоникольское-I, 7/13; Пятнадцатый поселок, 3/7; Рахинка, 3; Ченин, 8/4). Четкое разделение погребений знати на глав се-

мейных кланов и воинов-батыров обычными методами археологии вряд ли возможно. Но реальное существование при аильном способе кочевания в условиях формирующегося государства таких специфических категорий населения отражает естественный процесс, диктуемый необходимостью управления и обороны занимаемых территорий.

Здесь же возникает еще один вопрос. Можем ли мы датировать 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. и давать этнокультурную интерпретацию невыразительным и малоинвентарным захоронениям мужчин, не сопровождающихся к тому же и останками коней (табл.7, 7а), но, несомненно, взаимосвязанных с кругом исследуемых погребений. Материалы Саркельского кочевнического могильника, существование подобных захоронений у женщин однозначно убеждают, что можем. Положительно решал этот вопрос и В.А.Кригер. Видимо, такие захоронения принадлежат исповедовавшим ислам кочевникам или находившимся экономически на нижних ступенях социальной иерархии, наименее дееспособной части общества.

Процесс закрепления огузов на завоеванных ими территориях Северного Прикаспия и формирования у них государства был сравнительно недолгим. Волею исторических судеб в начале XI в. он оказался прерван половецко-кипчакским нашествием. Но характерно, что вследствие достаточно высокого культурного уровня, огузы, потерпев сокрушительное поражение от половцев, тем не менее, в дальнейшем не перешли к более низким формам кочевания, а предпочли уже во 2-й пол. XI в. переселиться в Поросье, стать вассалами русских князей. Здесь уже к началу XII в. они вновь вернулись к обычному полукочевому и даже оседлому образу жизни (Плетнева С.А., 1973, с.24, 25).

* * *

Распространение огузских погребений не ограничивается территорией степей Южного Приуралья и Заволжья, как считал в свое время В.А.Кригер. Вся территория Северного Прикаспия от Мугоджарских гор на востоке до Сарпинской низменности, Черных земель, Волго-Донского междуречья, правобережья Нижнего Дона на западе была подконтрольна огузам (рис.1). Были ли все эти территории заняты только ими, или же здесь одновременно обитали также и потомки хазар, пока еще не вполне ясно. Так, ранняя группа средневековых захоронений могильника Первомайский-VII (Мамонтов В.И., 2000, с.121) не однородна и не может быть признана целиком ни огузской, ни печенежской. По ряду особенностей, часть выявленных здесь захоронений вообще является позднехазарскими и датируется кон. VIII – нач. IX в. Изуче-

ние памятников этого типа, обнаруженных в Волго-Донском междуречье и на территории Сарпинской низменности, предпринятое нами в свое время (Круглов Е.В., 1989, 1990, 1992, 1992а), далеко от завершения и в настоящее время требует некоторых уточнений. Например, можно предполагать существование позднехазарских некурганых памятников IX-XI вв. Так, в могильниках на бэровских буграх Лбище и Косика вместе с огузскими погребениями были открыты несколько хазарских и постхазарских захоронений (Васильев Д.А., 1993; Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1984). В рамках настоящей статьи отметим, что курганные группы: Алешкин, Вертячий, Дюкер, Зakanальный, Капитанский, Кривая Лука-III, V, VI, VII, XV, XVI, XXXV, Купцын Толга, Никольское-V, Олень, Старица, У-85 (Барун), Цаган Усн-VII, Эвдык-I, Яшкуль-86, случайные находки из Головки, Таловой, погребения из Букановского и Никольевки, кочевнический могильник близ Саркела – вот неполный список археологических памятников Волго-Донья и Сарпинской низменности, в кото-

рых огузское присутствие вполне очевидно. Они подтверждают сведения Масуди о раннем проникновении огузов в поисках пригодных пастбищ на территорию Хазарского каганата (Агаджанов С.Г., 1969, с.89, 148). С 965 г., после разгрома князем Святославом, действовавшим в союзе с огузами, Хазарского каганата, эти земли, включая все нижнее течение Дона, уже беспрепятственно вошли в состав их владений (Агаджанов С.Г., 1969, с.37, 150).

Таким образом, очевидно, можно считать, что сложились условия для пересмотра известного положения С.А.Плетневой о том, что огузы сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, чем печенеги (Плетнева С.А., 1958, с.164). Скорее наоборот, для огромных степей Северного Прикаспия именно огузы являлись в это время (особенно после распада Хазарского каганата) основной доминирующей и определяющей военно-политической силой, что, кстати, убедительно доказал еще С.Г.Агаджанов (Агаджанов С.Г., 1969, с.6). Весь период со 2-й пол. IX в. до сер. XI в. для данного региона следует именовать Огузским.

Приложение

Характеристика погребального обряда средневековых кочевников Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в.

Данная программа разрабатывается автором с 1989 г. (Круглов Е.В., 1989а) для всех памятников средневековых кочевников Северного Прикаспия VII-XI вв., в том числе для захоронений хазар, и в предлагаемом виде не учитывает только культовые поминальные и погребально-поминальные сооружения VII – VIII вв. (т.н. курганы с внутренними ровиками), поскольку памятники такого рода у огузов и печенегов не известны. В таблицах учтен практически весь имеющийся материал средневековых кочевников степной части Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в., кроме нескольких комплексов: Маяк Октября, 3/3 (раскопки Лукашова А.В.), Яман, 2 (раскопки Мажитова Н.А.), Атпа-II, 2 (раскопки Гуцалова С.Ю.), данные о которых нам неизвестны. Таблицы составлены в рамках проекта по изданию Свода археологических памятников огузо-печенегов на территории Северного Прикаспия*.

Обрядовые признаки

I. Соотношение конкретного анализируемого захоронения с наиболее близкими ему территориально другими памятниками культуры.

1. Одиночное /О/, несколько однокультурных захоронений в одном кургане /К/, в одном могильнике /М/, в одном погребении /П/, нет данных /—/.

II. Характер курганной насыпи.

2. Шаровой сегмент /Ш/, овал /О/, нет данных ?/, нет насыпи /—/.

III. Размеры насыпи.

3. Диаметр; длина и ширина для овальных насыпей.

4. Высота.

IV. Характер захоронения.

5. Основное /О/, впускное с досыпкой насыпи /ВД/, впускное в курган, дюну, бэровский бугор /В/, грунтовое погребение /Г/, нет данных ?/.

V. Уровень впуска в грунт.

6. В насыпи кургана /Н/, в материке /М/.

VI. Форма могильной ямы.

* Пользуясь случаем, выражаю признательность всем авторам раскопок за возможность использования материалов, часть которых до сих пор остается неопубликованной: Д.В.Васильеву, В.В.Дворниченко, В.А.Иванову, В.А.Кригеру, А.В. Лукашову, В.И. Мамонтову, Е.П.Мыськову, Н.А.Николаевой, В.А.Сафронову, И.В.Сергацкову, Н.Б.Скворцову, А.С.Скрипкину, Н.В.Хабаровой, Е.В.Цуцкину, Е.В.Шнайштейн.

7. Простая прямоугольная /П/, со ступенькой вдоль длинной стены /С/, со ступенькой и подбоем /Пбс/, с подбоем без ступеньки /Пб/, иное /И/, не установлено или нет данных /?/.

VII. Размеры могильной ямы.

8. Длина, ширина.

9. Глубина (от современной поверхности – для захоронений впускных в курганы, дюны, бэровские бугры, грунтовых, от погребенной почвы – для основных).

VIII. Деревянные конструкции и иные особенности обрядности.

10. Перекрытие /Пр/, деревянный гроб /Г/, долбленая колода /К/, берестяной или камышовый саван /Б/, травянистая подстилка, кора, кожа, камыш /Т/, деревянная подкладка /Д/, сочетание нескольких признаков /ПрГ/, /ПрТ/.

IX. Ритуальные остатки.

11. Наличие углей, золы /У/, мела /М/.

X. Половозрастная характеристика.

12. Взрослый, пол не установлен /В/, мужчина /М/, женщина /Ж/, ребенок, подросток /Р/. Описание каждого конкретного скелета приводится индивидуально, в соответствующих строках таблиц.

XI. Характеристика сохранности человеческих останков.

13. Полная сохранность /С/, полное разрушение скелета /РП/, отмечаемое необъяснимое, неестественное смещение каких-либо отдельных частей скелета при сохранении *in situ* других /Р/, отсутствие в могиле каких-либо отдельных костей скелета /РО/. Предполагаемое связывание ног, сам скелет не потревожен /СН/, разрушен /РН/.

XII. Ориентировка погребенных.

14. Северо-запад /СЗ/, северо-запад-запад /СЗЗ/, запад /З/, юго-запад-запад /ЮЗЗ/, юго-запад /ЮЗ/, восток /В/.

XIII. Поза рук погребенных.

15. Параллельно туловищу /И/, одна из рук на поясе />/, /</, обе руки на поясе /<>/, нет данных /?/.

Сопровождающие животные

XIV. Виды жертвенных животных в погребениях.

16. Конь.

17. Баран.

18. Сочетание коня и барана.

19. Другие животные: бык, козел, собака.

20. Нет животных.

XV. Наличие загробной пищи.

21. Конь.

22. Баран.

23. Иное.

24. Нет загробной пищи.

XVI. Характеристика останков коней.

25. Один или несколько целых остовов.

26. Череп и скаковые конечности.

27. Скаковые конечности.

28. Только череп.

29. Нет данных.

XVII. Соотношение останков жертвенных коней и предметов сруи с останками человека.

30. Человек с останками коня и предметами сруи.

31. Человек с останками коня без предметов сруи.

32. Человек со сруей без останков коня.

33. Человек без предметов сруи и останков коня.

34. Останки коня без человека, кенотаф.

XVIII. Пространственное расположение останков жертвенных коней и предметов сруи относительно погребенного.

35. На дне ямы, на одном уровне с человеком.

36. Непосредственно на костях погребенного.

37. Над погребенным, в засыпи, на перекрытии, на крышке гроба или колоды, на ступеньке могильной ямы.

38. В отдельной яме.

39. Не установлено.

XIX. Горизонтальное соотношение коня, предметов сруи и человека.

40. Параллельно скелету человека.

41. Ниже пояса погребенного, в его ногах.

42. Выше пояса погребенного, у его головы.

43. Смешанное, скаковые конечности у ног человека, череп животного выше пояса человека.

44. Не установлено.

XX. Характер укладки коня.

45. Целый остов, один или несколько.

46. Разостланная в могиле шкура (чучело) коня или отчлененные конечности, уложенные вместе с черепом, имитирующие целое животное.

47. То же самое, но без черепа коня.

48. Сложенная шкура животного или отчлененные конечности, уложенные вместе с черепом, имитирующие сложенную шкуру.

49. То же самое, но с черепом положенным отдельно от костей ног.

50. То же самое, но без черепа животного.

51. С одним черепом или иное состояние, где тип шкуры не мог быть установлен из-за отсутствия данных.

XXI. Характер отчленения конечностей у коней в погребениях.

52. Копыто.

53. Бабки, 1-й сустав.

54. Пясть, 2-й сустав.

55. Запястье, голень, 3-й сустав.

56. Пясть, голень, сочетание 2-го и 3-го суставов.

57. Не определено.

XXII. Ориентировка жертвенных коней.

58. В соответствии с ориентировкой человека.

59. В противоположную сторону.

60. Иное.

61. Не определено.

Памятники 1-й половозрастной группы огузов

Таблица 1. Захоронения с амулетами

Комплексы	Признаки														
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Батаевка. -/1	--	--	--	--	Г	М	?	--	--	--	--	Ж	Р	СЗ	?
Быково-I. 10/11	КМ	Ш	20	0.55	В	Н	П	--	0.78	--	--	Р	С	ЮЗЗ	
Быково-I. 10/16	КМ	Ш	20	0.55	В	Н	?	--	0.5	--	--	Ж	Р	З	
В.-погромное-I. 1/3	КМ	Ш	32	0.7	В	М	П	--	1.2	--	--	Р	РО	СЗЗ	
В.-погромное-I. 3/4	КМ	О	28x32	1.08	В	Н	?	--	1.1	--	--	Р	РО	В	
В.-погромное-II. 15/2	М	О	36x40	2.25	В	Н	?	--	0.7	--	--	Р	Р	ЮЗ	<
Заканальный. 4/4	О	Ш	70	3.1	В	Н	?	--	?	Т	--	Ж	Р	З	
Заплавное-I. 3/6, С.1	кмп	О	34x45	1.75	В	М	П	2.1x0.85	1.75	Пр	--	Ж	РОН	ЮЗ	<
Заплавное-I. 3/6, С.2	кмп	О	34x45	1.75	В	М	П	2.1x0.85	1.75	Пр	--	Р	Р	ЮЗ	?
Заплавное-I. 3/7	КМ	О	34x45	1.75	В	М	П	2.4x0.6-0.85	2.2	Пр	--	Ж	С	ЮЗ	
Заяры. 1/А	К	?	?	?	В	Н	?	--	0.43	--	--	Ж	С	З	
Зубовка. 9/2	О	Ш	40	1.02	В	Н	П	1.74x0.67	~1.7	--	--	Ж	С	СЗЗ	
Калиновский. 9/3	М	Ш	17	0.29	В	М	П	1.3x0.45	1.2	--	У	Р	Р	ЮЗЗ	?
Кано. 1/1	О	Ш	16	0.4	В	М	П	1.75x0.35-0.4	1.23	Пр	У	Ж	Р	З	?
Карасу-I. 4/6 Б	М	Ш	26	0.99	В	М	?	~1.8x2.6	~1.35	--	--	Ж	Р	В	?
Карасу-I. 6/1	М	Ш	20	0.44	В	М	П	1.9x0.67	~1.2	--	--	В	РН	З	?
Карасу-I. 11/2	КМ	Ш	30	1.42	О	М	С	?x0.9	0.4	--	--	В	Р	ЮЗ	?
Киляковка. 4/1	КМ	Ш	28	0.85	В	М	П	2.65x0.9	1.4	ПрДТ	--	Ж	РК	ЮЗЗ	>
Колобовка. 1893. С.1	П	?	?	?	В	?	?	--	--	--	--	Ж	?	?	?
Лапас. -/1	--	--	--	--	--	М	?	--	--	--	--	Ж	Р	ЮЗ	
Мирное. 1/6	О	Ш	?	?	В	Н	?	--	0.55	--	--	Р	Р	З	?
Старица. 21/2	КМ	Ш	29	1.35	В	Н	?	--	1.35	Г	--	Ж	Р	ЮЗЗ	<
Старица. 21/5	КМ	Ш	29	1.35	В	М	П	2.05x0.85	2.3	Пр	--	Ж	Р	ЮЗЗ	<
Старица. 30/4. С.1	ПМ	Ш	49	2.5	В	Н	?	--	2.2	ПрД	--	Ж	РО	СЗ	?
Степана Разина. 1/10	О	Ш	36	1.54	В	Н	П	1.2x0.5	0.85	--	--	В	РО	З	
Сухая Саратовка. 1/5	О	Ш	28	?	В	?	П	1.5x0.6	0.45	Пр	--	?	РО	З	?
Увак. 10/2	О	Ш	15	0.25	В	М	П	2.1x0.8-0.85	1.9	ПрТ	--	Ж	С	З	>
Эльтон-85. 7/1	К	О	12x15	0.6	В	М	П	1.87x0.7-0.9	1.0	ПрТ	--	Ж	Р	ЮЗЗ	

Таблица 1а. Захоронения с амулетами

Комплексы	Признаки																			
	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII											
Батаевка. -/1	+		+		+		+		+		+		+		+		+		+	
Быково-I. 10/11		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Быково-I. 10/16	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
В.-погромное-I. 1/3	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
В.-погромное-I. 3/4		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
В.-погромное-II. 15/2		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Заканальный. 4/4		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Заплавное-I. 3/6, С.1	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Заплавное-I. 3/6, С.2	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Заплавное-I. 3/7	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Заяры. 1/А		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Зубовка. 9/2		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Калиновский. 9/3		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Кано. 1/1		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Карасу-I. 4/6 Б		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Карасу-I. 6/1	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Карасу-I. 11/2	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Киляковка. 4/1	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Колобовка. 1893. С.1	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Лапас. -/1		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Мирное. 1/6		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Старица. 21/2		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Старица. 21/5	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Старица. 30/4. С.1	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Степана Разина. 1/10		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
Сухая Саратовка. 1/5	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Увак. 10/2	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+
Эльтон-85. 7/1	+			+		+		+		+		+		+		+		+		+

Таблица 3. Распределение могильного инвентаря в погребениях 1-й половозрастной группы огузов

Комплексы	Копушки		Нашивки Д II		Нашивки Д III, IV, V, X		Привески	Свинцовые пломбы	Костяные прасла (?)	Бубенцы	Серьги	Особые бляхи	Бусы	Ножницы	Зеркала	Ключи	Сумки	Браслеты	Перстни	Украшения обуви	Посуда	Гребни	Шило	Предметы сруби
	1	2	3	4	5	6																		
Асаг Бай-III. -/1						+				+	+		+											+
Батаевка. -/1			+				+			+	+		+									+		
Блюменфельд. 2/1						+																		
Болгарка. 1/3											+				+	+							+	+
Большой Царын. 3/5						+															+			
Быково-I. 10/11		+											+									+		
Быково-I. 10/16				+																				
Быково-II. 3/5						+								+										+
Верх. Балыклей-II. 6/5										+										+			+	
Верх. Балыклей-II. 7/1													+	+	+		+	+	+	+	+		+	+
В.-погромное-I. 1/3	+	+		+						+		+												+
В.-погромное-I. 3/4		+		+																				
В.-погромное-II. 15/2			+	+	+										+									
Волжский-II. 2/4						+														+	+			+
Дюкер. 27/9																							+	+
Заканальный. 4/4	+		+								+			+					+					
Заплавное-I. 3/4						+				+					+								+	
Заплавное-I. 3/6. С.1 и 2	+		+							+				+			+							+
Заплавное-I. 3/7			+			+							+							+	+			+
Заяры. 1/A	+		+			+				+			+	+	+					+	+			+
Заяры. 1/2						+							+											
Зубовка. 9/2			+	+	+					+					+									
Калиновский. 1/3												+												
Калиновский. 9/3					+																			
Калиновский. 12/19						+					+	+		+	+					+			+	+
Калиновский. 42/1																								+
Карасу-I. 4/6 Б				+						+														+
Карасу-I. 6/1				+																				
Карасу-I. 11/2		+													+						+			+
Кано-В. 1/1	+					+															+			
Капитанский. 10/1																					+			+
Кияковка. 4/1			+		+					+	+		+			+	+	+	+	+	+		+	+
Кияковка. 4/2						+															+	+		+
Колобовка. 1893. С.1			+	+	+					+					+					+				+
Колобовка-III. 1/2										+				+										
Лапас. -/1	+	+	+	+	+						+	+	+	+					+	+				
Маяк Октября. 1/1										+					+									+
Мирное. 1/6			+		+					+	+		+							+	+			
Никольское-V. 1/4. С.2										+										+				+
Покровка-VIII. 1/8						+																		
Приозерное. 4/1						+								+										+
Саркел. 37				+						+	+			+					+	+				+
Саркел. 59	+		+							+														
Средняя Ахтуба. 1/3																								
Средняя Ахтуба. 1/5																								+
Средняя Ахтуба. 3/5																				+				
Сухая Саратовка. 1/5			+		+					+	+	+	+	+							+			
Старица. 21/2	+									+	+									+				
Старица. 21/5			+							+						+	+							+
Старица. 30/4. С.1 и 3	+																							+
Степана Разина. 1/10			+	+	+					+	+											+		
Торгунское. 1/5										+	+									+		+		
Увак. 10/2	+	+	+	+		+	+	+		+	+	+	+	+		+				+		+	+	+
Успенка. -/1										+	+	+	+	+			+	+	+	+				
Царев. 23/1																								
Эльтон-85. 7/1	+	+	+	+	+					+	+		+	+						+				+
Ясырев. 8/17										+	+													
Признаки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21			
Всего	12	13	18	13	15	4	26	13	7	12	15	12	2	6	6	6	12	13	8	4	3			26

Таблица 4. Комплексы 1-ой ПВГ из случайных находок

Комплексы	Признаки																				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Волжский. Астр. 1990	+	+		+											+	+	+	+			+
Головка. 1902																		+			
Гришанкин. 1924	+																				
Калиновский. 30. 1953	+																				
Петропавловка. 1972				+															+		
Саркел - Белая Вежа	++																				
Сероглазово. 1928									+									+			
Средняя Ахтуба. 1960	+	+	+	+					+										+		
Таловая. 1897						+		+			+										
Уральск. б/г	+																				
Хошеутово. 1983	+																				
473 верста. б/г				+				+													
Янайкино. 1958																+					
Всего	7/8	2	3	3	1		4			1					2	1	3	3			1

Погребения 2-й половозрастной группы огузов

Таблица 5. Погребения, сопровождающиеся конем и предметами сбруи, расположенными над человеком

Комплексы	Признаки														
	I	II	III		IV	V	VI	VII		VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Акбулак	?	Ш	15	1.0	?	?	?	--	0.5	Пр	--	В	РП	?	?
Алексашино. 4/2	О	Ш	26	0.5	В	М	П	2.2x1.0	1.0	Пр	--	М	С	3	<
Алешкин. 1/2	О	Ш	46	1.35	В	Н	П	--	0.63	ПрГ	У	М	РО	СЗ	
Барановка-70. 1/1-2	М	Ш	26	1.35	О	М	Пбс	2.25x0.9	1.0	--	У	В	Р	ЮЗ	?
Барановка-72. 2/3	М	О	26x32	0.65	О	М	Пб	1.95x1.0-1.48	0.75	--	--	В	Р	В	
Бахтияровка. 55/5	М	Ш	28	1.62	В	М	П	2.75x1.08	1.88	ПрГ	--	М	Р	3	
Букановский. 1/1	О	Ш	24	2.0	В	Н	П	--	0.7	Г	У	М	Р	3	<
Быково-1. 14/3	М	Ш	28	1.0	В	Н	?	--	0.5	Пр	М	М	Р	3	>
Быково-1. 16/9	М	Ш	20	1.0	В	М	П	2.15x0.7	1.3	ПрБТ	--	М	С	ЮЗЗ	>
Вертячий. 6/1	О	Ш	21	1.0	В	М	П	2.28x0.6-0.73	~1.55	Г	--	М	СН	3	>
В. Балыклей-11. 5/1	М	О	37x52	1.0	В	М	П	2.35x0.9	1.7	ПрГ	--	В	С	З	
В.-погромное-1. 3/7	КМ	О	28x32	1.08	В	М	П	1.95x0.9	~1.68	--	--	М	РН	СЗ	?
Дюкер. 27/4	К	О	35x60	0.6	В	М	П	2.47x1.05	1.53	Т	--	В	Р	ЮЗ	?
Дюкер. 27/5	К	О	35x60	0.6	В	М	П	2.47x1.0	1.63	ПрГ	--	В	РП	ЮЗ	?
Жарсуат-1. 1/2	О	Ш	10	0.33	В	М	П	2.2x1.7	1.3	Пр	У	М	РП	СЗ	?
Заплавное-1. 2/1	М	О	32x35	1.08	В	М	П	?x0.8	~1.33	--	--	В	Р	ЮЗ	?
Заплавное-1. 3/3	КМ	О	34x45	1.75	В	М	П	2.65x0.6-0.9	~2.4	ПрБТ	--	М	С	ЮЗ	
Заяры. 1/1	К	?	?	?	В	М	ПС	2.93x0.75	1.65	КТ	--	М	С	3	
Ильевка. 9/1-2	О	Ш	35	1.8	В	Н	П	--	0.75	Т	--	В	Р	3	
Калиновский. 1/7	КМ	О	19x23	0.74	В	М	П	2.05x0.69	~1.0	ГБ	--	М	Р	ЮЗЗ	
Калиновский. 4/1	М	О	16x20	0.24	В	М	П	2.8x1.2	1.95	--	У	М	РП	?	?
Калиновский. 28/2	КМ	Ш	8	0.32	О	М	С	2.75x0.9	2.94	Пр	У	М	Р	СЗ	?
Карасу-1. 1	М	Ш	30	0.54	О	М	П	1.9x0.8	1.15	--	--	М	РП	3	?
Карасу-1. 8/1	М	Ш	18	0.41	О	М	П	1.8x0.5	1.1	--	--	М	Р	ЮЗ	?
Карасу-1. 18/1	М	Ш	14	0.38	В	М	П	1.7x0.95	1.2	--	--	В	Р	3	
Карасу-1. 20	М	Ш	15	0.35	О	М	Пбс	2.3x0.7-0.94	0.7	Пр	--	М	С	3	
Карасу-1. 24/2	Кмп	Ш	12	0.44	О	М	П	1.8x1.0	1.2	--	--	В	РП	ЮЗ	?
Кияковка. 1/5	М	Ш	25	0.8	В	М	П	?x0.75	1.2	ПрГТ	--	В	Р	3	?
Кияковка. 3/2	М	Ш	27	1.02	В	Н	?	--	0.9	ПрГ	--	М	Р	3	>
Колобовка. 1893. С.2	П	?	?	?	В	?	?	--	--	--	--	М	?	?	?
Колобовка-1. 3/4	М	Ш	43	2.5	В	Н	?	--	2.0	--	--	В	Р	3	
Колобовка-III. 1/3. С.1	Кмп	Ш	17	0.39	В	М	П	2.63x1.1	1.5	Пр	--	М	Р	ЮЗ	<
Колычево-11. 2/2	О	Ш	21	0.25	В	Н	?	--	~1.2	Г	--	В	Р	ЮЗ	
Комсомольский. 1/1	О	Ш	28	1.5	В	Н	?	--	1.0	Пр	--	М	РО	3	?
Косика. -/3	О	О	--	--	В	М	С	2.25x0.44-0.54	1.84	--	--	В	Р	СЗ	<
Кос Оба. 11/2	М	Ш	30	0.9	В	Н	?	--	1.0	--	--	М	РО	3	>
Кр. Деревня. 15/8	О	О	24x32	1.1	В	М	П	2.7x1.05	1.55	ПрГ	--	М	Р	3	?
Кр. Октябрь. 1/2	О	Ш	31	1.09	В	Н	?	--	0.78	Пр	У	М	Р	ЮЗЗ	>
Кр. Лука-III. 1/23	К	Ш	50	1.5	В	М	П	2.65x0.6-1.0	2.44	ПрГ	--	В	РП	ЮЗ	?
Кр. Лука-V. 4	О	О	17x20	0.7	О	М	П	2.65x1.0	~0.6	БТ	--	М	Р	СЗ	
Кр. Лука-V. 1/5	О	О	28x32	1.4	В	Н	?	--	1.19	ПрГ	--	М	РО	ЮЗ	
Кр. Лука-VII. 9/16	О	Ш	30	0.7	В	М	П	2.15x0.69	0.95	--	--	В	С	СЗ	<
Кр. Лука-XV. 2/2	КМ	?	?	?	В	М	П	1.8x1.1	1.33	ПрГ	--	М	Р	3	
Кр. Лука-XV. 2/6	КМ	?	?	?	В	М	П	2.5x0.8-1.0	1.51	ПрГТ	У	М	С	ЮЗ	<
Кр. Лука-XV. 2/9	КМ	?	?	?	В	М	П	2.3x0.65-0.7	2.14	ПрГ	М	М	Р	3	?
Кр. Лука-XV. 3/8	М	Ш	27	0.58	В	М	П	2.05x0.75-0.8	1.23	ГТ	--	М	С	3	>
Кр. Лука-XXXV. 1/6	О	?	?	0.9	В	М	П	2.15x0.55-0.8	1.42	ПрДТ	--	М	С	ЮЗЗ	
Кумакский. 1	О	Ш	8	0.2	О	М	С	2.4x1.1-1.25	2.03	Пр	У	М	РП	СВ	?
Купцын Толга. 46/5	О	Ш	32	1.44	В	М	П	2.2x0.9	1.5	ПрД	--	М	С	ЮЗЗ	
Лбище. -/4	О	О	--	--	В	М	П	2.19x0.93	0.93	--	--	В	РО	СЗ	

Неопределенные погребения

Таблица 6. Погребения с конем, расположенным на одном уровне с человеком (печенежские, ?, смешанные)

Комплексы	Признаки														
	I	II	III		IV	V	VI	VII		VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Бахтияровка. 32/12	М	Ш	45	1.9	В	Н	?	--	0.9	--	--	В	рон	ЮЗЗ	
Быково-II. 26/5	М	Ш	22	0.8	В	М	П	1.7x0.62	0.9	--	--	Ж	Р	ЮЮЗ	
В. Балыклей-II. 8/1	М	Ш	30	0.6	В	М	П	2.2x1.2	0.75	--	--	В	Р	СЗЗ	<
Громки. 2/1	М	Ш	30	1.8	В	Н	?	-2.1x0.7	0.84	Г	М	М	С	ЮЗЗ	
Журов. 2/1	О	Ш	52	3.4	В	Н	?	--	0.8	--	--	--	--	--	--
Кара Оба. 6/1	М	Ш	16	0.8	В	Н	?	--	-0.8	Г	У	В	РО	З	<
Карасу-I. 11/1	КМ	Ш	30	1.42	В	М	П	-1.9x1.0	1.3	--	--	В	Р	ЮЗ	?
Колобовка-I. 6/1	КМ	Ш	27.5	0.8	В	Н	?	--	0.5	--	--	В	Р	ЮЗЗ	
Колобовка-I. 6/2	КМ	Ш	27.5	0.8	В	Н	?	--	0.65	--	--	В	С	ЮЗЗ	
Кос Оба. 7/2	М	Ш	22.5	0.93	В	Н	?	--	0.9	--	--	В	РО	З	
Ленинск. 4/4	М	О	32x34	1.2	В	М	П	2.25x1.0	-1.55	--	--	М	Р	З	
Н.-никольское-II. 1/7	О	О	20x40	0.6	В	Н	?	--	0.85	--	--	М	Р	ЮЗЗ	
Ровное. 4/7	О	О	19x30	1.1	В	Н	?	--	1.3	Г	--	М	С	ЮЗ	>
Светлое Озеро. 2/1	М	?	?	?	В	М	П	2.02x0.75	?	Д	--	В	СН	З	
Фриденберг. 7/1	О	Ш	31	1.1	В	Н	П	2.2x0.8	0.85	КТ	У	М	С	СЗ	
Черноярский. 1/1	КМ	Ш	24	1.3	О	М	П	2.5x1.2	-0.8	Г	--	В	СН	З	
Черноярский. 2/1	КМ	Ш	13	0.9	В	М	П	2.5x0.75	-1.45	Пр	--	В	С	З	
Черноярский. 4/5	КМ	Ш	40	1.8	В	М	П	2.3x0.9	1.79	Пр	--	В	Р	ЮЗ	>>

Таблица 7. Погребения без коня и предметов сбруи

Комплексы	Признаки														
	I	II	III		IV	V	VI	VII		VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Васильевка	О	Ш	14	0.2	В	М	?	3.0x2.5	2.0	Пр	У	В	РП	В	?
Вертячий. 7/5. С.1	кмп	О	122x	1.66	В	М	П	2.8x1.0	2.15	--	--	М	С	З	
Вертячий. 7/5. С.2	кмп	О	x30	1.66	В	М	П	2.8x1.0	2.15	--	--	Р	Р	В	
В.-погромное-I. 19/1	М	Ш	50	2.5	В	Н	?	--	0.85	Г	--	М	Р	ЗСЗ	>
Волжский-II. 2/9	К	О	26x52	2.2	В	Н	?	--	1.65	Д	У	М	РП	?	?
Громки. 3/1	КМ	Ш	51	2.1	В	Н	?	--	0.8	ПрГ	--	М	РО	З	?
Громки. 3/2	КМ	Ш	51	2.1	В	Н	?	--	1.0	Г	М	Р	Р	З	
Заплавное-I. 1/3	М	О	46x49	2.75	В	Н	?	--	0.25	--	--	М	РО	З	>?
Заяры. 1/3	К	?	?	?	В	М	П	2.49x0.89-1.0	0.46	--	--	В	С	ЮЗ	
Калиновский. 28/1	М	Ш	8	0.32	В	М	П	?x0.75	-0.4	Пр	У	Ж	С	ЮЗЗ	<
Кара Оба. 10/1	М	Ш	17	0.6	В	М	П	2.4x0.7	-1.1	--	--	М	РН	З	>>
Карасу-I. 24/1	кмп	Ш	12	0.44	О	М	П	1.8x1.0	1.0	--	--	Р	Р	?	?
Кировский-II. 2/2	О	Ш	40	0.6	В	Н	?	--	1.0	--	--	В	РО	ЮЗЗ	?
Колобовка-III. 1/3. С.2	кмп	Ш	17	0.39	В	М	П	2.63x1.1	1.5	Пр	--	Р	Р	ЮЗ	?
Кос Оба. 11/1	М	Ш	30	0.9	В	Н	?	--	1.1	--	М	В	РП	ЮЗ	?
Кривая Лука-III. 1/10	К	Ш	50	1.5	В	Н	?	--	?	--	--	М	СН	З	<
Кривая Лука-III. 1/11	К	Ш	50	1.5	В	М	П	1.8x0.8	1.98	--	--	Р	РО	З	
Кривая Лука-XVI. 1/1	О	Ш	60	2.0	В	Н	П	2.38x0.72	1.27	Г	М	В	Р	ЮЗ	
Маяк Октября-90. 1/2	К	Ш	34	1.0	В	Н	?	--	0.76	--	--	В	СН	СЗЗ	
Покровка-II. 1/1	О	О	54x66	2.5	В	Н	П	1.1x0.6-0.8	0.55	Пр	У	М	РП	?	?
Покровка-VIII. 1/9	П	О	24x30	1.0	В	Н	?	--	0.46	--	--	М	РП	?	?
Сары-Айдин. 4/1	О	?	15	?	В	Н	?	--	?	--	--	В	РП	?	?
Средняя Ахтуба. 3/2	КМ	Ш	33	0.95	В	Н	?	--	0.6	--	--	Ж	Р	ЮЗ	
Средняя Ахтуба. 3/4	КМ	Ш	33	0.95	В	Н	?	--	-1.15	Г	--	М	С	ЮЗ	
Средняя Ахтуба. 3/6	КМ	Ш	33	0.95	В	М	П	2.35x0.4-0.65	-1.8	ГПр	--	Ж	Р	З	
Средняя Ахтуба. 3/7	КМ	Ш	33	0.95	В	Н	?	--	1.0	--	--	М	Р	ЗЮЗ	
Степана Разина. 2/3	М	Ш	18	0.78	В	Н	?	--	0.5	--	--	В	С	З	
Степана Разина. 3/2	М	Ш	20	0.6	В	М	П	1.7x0.75	1.3	Г	--	Р	С	ЮЗ	
Степана Разина. 4/1	КМ	Ш	18	0.6	В	М	П	2.1x0.68	-1.75	--	--	В	Р	З	?
Степана Разина. 4/2	КМ	Ш	18	0.6	В	М	П	1.7x0.66	1.2	Г	--	В	С	З	
Степана Разина. 4/3	КМ	Ш	18	0.6	В	М	П	1.75x0.45	1.4	Г	--	В	С	З	>
Степана Разина. 4/4	КМ	Ш	18	0.6	В	М	П	1.25x0.6	1.3	--	--	Р	С	З	>
Степана Разина. 4/8	КМ	Ш	18	0.6	В	М	П	1.75x0.6	1.2	--	--	В	С	СЗЗ	>
У-85 (Барун). 3/3	М	Ш	21	2.1	В	Н	?	--	1.2	--	--	Р	РО	ЮВ	>>
Царев. 2/7	М	Ш	8	0.8	О	М	П	2.09x0.75	0.9	Г	--	Ж	С	З	
Челкар-III. 13	О	Ш	9	0.4	О	М	П	2.1x0.8	0.4	--	--	В	РП	?	?
Черноярский. 1/2	КМ	Ш	24	1.3	В	Н	?	--	0.7	--	--	В	Р	З	
Элиста-III. 29/1	О	Ш	24	2.35	В	Н	?	--	1.35	--	--	В	С	З	
Эльтон-85. 7/2. С.1	КП	О	12x15	0.6	В	Н	?	--	1.06	Пр	--	В	РО	З	?

Таблица 8. Захоронения с неустановленным местоположением коня и предметов сбруи относительно человека, случайные находки

Комплексы	Признаки																
	I		II		III		IV	V	VI	VII		VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
Быково-1. 21/3	М	Ш	40	2.45	В	Н	?	--	1.66	Г	--	В	РП	СЗ	?		
В.-погромное-II.14/21	М	Ш	43	1.4	В	Н	?	--	1.4	--	--	В	РП	?	?		
Волчанский. 6/1	О	Ш	26	0.4	В	Н	?	--	-0.4	ДТ	У	В	РП	3			
Досанг. -/1	?	?	?	?	?	?	?	--	?	--	--	В	РП	?	?		
Капитанский. 11/1	М	Ш	47	1.5	В	Н	?	--	0.7	--	--	В	РП	?	?		
Киляковка. 5/8 А	М	Ш	18	0.7	В	Н	?	--	?	--	--	?	РП	?	?		
Малаявка-V. 5/3	М	Ш	18	0.69	В	М	П	2.3x1.3	1.3	--	--	В	РП	?	?		
Малаявка-V. 9/2	М	Ш	12	0.19	В	М	П	1.73x0.65	1.1	--	--	М	РП	?	?		
Малаявка-V. 11/2	КМ	Ш	14	0.2	В	М	П	2.2x0.95	2.3	Пр	--	В	РП	?	?		
Н.-никольское. 1926	?	?	?	?	?	?	?	--	--	--	--	В	--	?	?		
Новый Рогачик. 2/1	О	Ш	20	0.9	В	Н	?	--	1.3	--	--	В	РП	?	?		
Рахинка. сл.н. б/г	?	?	?	?	?	?	?	--	?	--	--	В	--	?	?		
Старица. 38/1	М	О	19x23	1.35	В	Н	?	--	1.2	--	--	М	РП	?	?		
Тинаки. -/1	?	?	?	?	?	?	?	--	?	--	--	В	РП	ЮЗ	?		
Ханата. 5/18	О	Ш	44	1.99	В	Н	?	--	1.3	--	--	В	РП	3	?		
Химкомбинат-Б. 4/2	О	Ш	42	2.89	В	Н	?	--	2.1	--	--	В	РП	?	?		
Эльтон-84. 1/1	М	Ш	11.7	0.5	В	Н	?	--	1.75	--	--	В	РП	?	?		
Эльтон-84. 2/15	КМ	Ш	22	0.8	В	Н	?	--	1.22	--	--	В	РП	?	?		

Таблица 9. Кочевнический могильник у Саркела

№кур-гана	Признаки																
	I		II		III		IV	V	VI	VII		VIII	IX	X	XI	XII	XIII
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
5	М	?	?	?	О	М	П	2.0x0.7	?	--	--	В	РО	ЮЗЗ	<		
8	М	?	?	?	О	М	П	2.08x0.8	?	--	--	М	Р	ЮЗЗ			
10/1	КМ	?	?	?	В	?	?	--	?	--	--	М	Р	?			
10/2	КМ	?	?	?	О	М	?	--	--	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
11	М	?	?	?	О	М	?	--	0.81	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
12	М	?	?	?	О	М	П	2.0x0.75	1.12	--	--	М	РО	ЮЗ			
15	М	?	?	?	О	М	П	--	1.15	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
16	М	?	?	?	О	М	П	1.93x0.7	--	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
20	М	Ш	7.0	0.17	О	М	П	2.0x0.6	0.95	--	--	М	РО	ЮЗЗ	>		
21	М	Ш	6.0	0.1	О	М	П	2.3x0.33	1.15	Г	--	М	С	3			
27	М	Ш	6.5	0.2	О	М	П	2.6x0.8	1.2	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
28	М	Ш	6.0	0.23	О	М	П	1.8x0.7	1.32	--	--	М	РО	3			
29	М	Ш	5.0	0.15	О	М	?	--	0.88	--	--	Р	Р	ЮЗЗ	?		
33	М	Ш	--	--	О	М	?	--	0.78	--	--	М	РО	ЮЗЗ	?		
34	М	--	6.0	0.18	О	М	П	2.25x1.0	1.1	--	--	М	РО	ЮЗЗ	<		
35/1	КМ	Ш	6.0	0.3	В	Н	?	0.83x0.5	?	--	--	Р	РО	3	?		
35/2	КМ	Ш	6.0	0.3	О	М	П	2.1x0.75-0.8	1.03	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
36	М	Ш	7.5	0.25	О	М	П	1.75x0.7	1.2	--	--	М	РО	ЮЗЗЛ			
37	М	О	10.0	0.3	О	М	П	2.7x1.0	0.8	ПрГ	--	Ж	РО	ЮЗЗ			
38/1	КМ	Ш	5.0	0.15	О	М	П	2.35x0.85	1.05	--	--	Ж	Р	ЮЗЗ			
38/2	КМ	Ш	5.0	0.15	В	М	?	--	0.95	--	--	Ж	РО	ЮЗЗ	<		
39	М	Ш	6.0	0.7	О	М	П	2.12x0.65	1.05	Г	--	М	Р	ЮЗЗ	?		
40	М	Ш	8.0	0.15	О	М	П	2.57x0.9	1.38	К	--	М	Р	ЮЗЗ			
41	М	Ш	6.0	0.16	О	М	П	1.95x0.65	1.2	--	--	М	С	ЮЗЗ			
42	М	Ш	6.0	0.1	О	М	П	2.25x0.85	1.2	К	--	М	С	3			
43	М	Ш	7.0	0.1	О	М	П6С	2.2x0.9	1.47	--	--	М	Р	3			
45	М	Ш	5.0	0.08	О	М	С	2.07x0.85	1.2	--	--	--	--	--			
46	М	Ш	6.0	0.09	О	М	П	--	0.91	--	--	М	РО	ЮЗЗ			
47	М	Ш	7.0	0.06	О	М	П	2.3x1.1	1.3	--	--	Ж	РО	3			
48	М	Ш	8.0	0.16	О	М	П	2.0x0.65	1.27	--	--	М	РО	ЮЗЗ	>		
49	М	Ш	6.0	0.08	О	М	П6	1.8x0.65	1.44	--	--	М	С	ЮЗЗ	>		
53	М	Ш	7.0	0.12	О	М	П	2.08x0.7-1.0	1.4	Г	--	М	РО	ЮЗЗ	>		
54	М	Ш	11	0.54	О	М	П	2.34x0.9	0.74	Г	--	М	Р	ЮЗЗ			
56	М	Ш	7.0	0.09	О	М	П	2.1x0.87	1.3	--	--	М	Р	ЮЗЗ			
59	М	Ш	8.0	0.08	О	М	П	1.75x0.45-0.54	1.3	--	--	Р	Р	ЮЗ	<		
60	М	Ш	?	?	В	В	?	--	0.25	--	--	--	--	--	--		

Литература и архивные материалы

- Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад.
- Агеева Е.А., Джусупов А., 1963. Интересная находка// Ученые записки КазГУ. № XI. Вып.12. Алма-Ата.
- Арзютов Н., 1933. Погребения поздних кочевников Калмыцкой области// ИНВИК. Вып.6. Саратов.
- Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.
- Балинт Ч., 1972. Погребения с конями у венгров в IX-X вв.// Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Белецкий В., 1962. Археологические разведки на Нижней Волге// СГЭ. № XXIII.
- Бисембаев А.А., Книсарин Б.А., 2000. Некоторые аспекты этнополитической истории Южного Приуралья и Западного Казахстана в VIII-XI веках// Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т.3. Новосибирск.
- Васильев Д.В., 1993. Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике Лбище в Володарском районе Астраханской области в 1993 г.// Архив АКМЗ.
- Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья// Древняя история Поволжья. Научные труды КППИ. Т.230. Куйбышев.
- Васильева И.Н., 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области// Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 г.// Курганы левобережного Илека. Вып.1. М.
- Гаврилина Л.М., 1985. Кочевнические украшения X в.// СА. № 3.
- Гаврилина Л.М., 1987. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв.// Археологические исследования Калмыкии. Элиста.
- Гаврилина Л.М., 1991. Металлические украшения сбруи кочевнического погребения X в. Нижнего Поволжья// Материалы по археологии Калмыкии. Элиста.
- Гаврилина Л.М., 1993. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Гаркави А.Я., 1874. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб.
- Гарустович Г.К., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа.
- Горбунов В.С., Васильев В.Н., Иванов В.А., 1983. Отчет о раскопках и разведке в Оренбургской области и Башкирской АССР в 1983 г.// Архив Кригера В.А.
- Гуренко Л.В., 1993. Новые курганные материалы Донского Правобережья// ДВДС. Вып.3.
- Гуцалов С.Ю., 1988. Раскопки в Актюбинской области// АО 1986 г. М.
- Гуцалов С., 1993. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I (Актюбинская область)// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1975. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне 1-й очереди строительства КАРОС в 1975 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 5250.
- Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 6719.
- Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.// Древности Астраханского края. М.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС в Черноярском р-не Астраханской области в 1980 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 8254.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди КАРОС в 1981 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 9905.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с. Косика в 1984 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 10879.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем// Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., 1985. Почвенно-археологические исследования в Заволжье// Почвоведение. № 4.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., 1993. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия во II тыс.

- Доскач А.Г.**, 1979. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М.
- Железчиков Б.Ф.**, 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград.
- Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А.**, 1999. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане// Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград.
- Зарецкий И.А.**, 1941. Пос.Благословенка и Акбулак// Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.- Л.
- Иванов В.А.**, 1990. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н. э.// Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Иванов В.А.**, 1993. Хронологические комплексы X-XI вв. на Южном Урале и в Приуралья// Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Иванов В.А.**, 1993а. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Ильина А.И., Шишкин П.Н.**, 1929. Материалы к археологической карте ... Нижневолжского края. Сталинград.
- Ковалевский А.П.**, 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
- Кокебаева Г.К.**, 1980. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана// История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Комаров А.М., Мамонов А.Е., Овчинникова Н.В.**, 1990. Отчет о раскопках курганных могильников в Ленинском районе Волгоградской области в 1990 г.// Архив ВОКМ.
- Конкин В.Н.**, 1969. Украшение из половецкого погребения// СА. № 2.
- Кривцова-Гракова О.А.**, 1928. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.// ТСА РАНИОН. Т.4.
- Кригер В.А.**, 1979. Погребение и случайные находки IX-XI вв. на территории Уральской области// Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Кригер В.А.**, 1983. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г.// Архив ВОКМ.
- Кригер В.А.**, 1984. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г.// Архив ВОКМ.
- Кригер В.А.**, 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIV вв.)// Автореф. канд. дисс. М.
- Кригер В.А.**, 1985а. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском и Ленинском районах Волгоградской области// Архив ВОКМ.
- Кригер В.А.**, 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Кригер В.А.**, 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Кригер В.А., Железчиков Б.Ф.**, 1980. Позднекочевнические погребения у пос.Рубежка и Алебастрово Уральской области// СА. № 1.
- Круглов Е.В.**, 1989. К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганных погребений салтово-маяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников)// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
- Круглов Е.В.**, 1989а. Некоторые замечания о погребальном обряде средневековых кочевников VII-XI вв.// Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 1989б. Отчет о разведках археологических памятников в Волгоградской области в 1989 г.// Архив ВОКМ.
- Круглов Е.В.**, 1990. О подкурганных захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1992. Хазарские погребения на реке Аксай// ДВДС. Вып.2.
- Круглов Е.В.**, 1992а. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 3.
- Круглов Е.В.**, 1992б. Печенежский кенотаф из Журова кургана// Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1994. К вопросу о печенегах// Проблемы всеобщей истории. Волгоград.
- Круглов Е.В.**, 2001. О некоторых особенностях погребального обряда огузов//Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

- Круглов Е.В.**, 2001а. Население Восточной Европы в раннее средневековье// Культура средневековых кочевников и городов Золотой орды. Каталог выставки. Волгоград.
- Культура Биляра**, 1985. М.
- Кушаев Г.А.**, 1968. Отчет о раскопках за 1968 г.// Архив Кригера В.А.
- Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф.**, 1974. Отчет об археологических исследованиях в Уральской области за 1974 г.// Архив Кригера В.А.
- Кушаев Г.А.**, 1975. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г.// Архив Кригера В.А.
- Кушева-Грозевская А.**, 1928. Золотоордынские древности ГИМ из раскопок 1925-1926 г. в Нижнем Поволжье. Саратов.
- Лукашов А.В.**, 1980. Отчет о работе Палласовского отряда Заволжской экспедиции ВГПИ за 1980 г.// Архив ВОКМ.
- Лукашов А.В.**, 1981. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1981 г.// Архив ВОКМ.
- Лукашов А.В.**, 1982. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в Палласовском районе Волгоградской области за 1982 г.// Архив ВОКМ.
- Лукашов А.В.**, 1983. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ в 1983 г.// Архив ВОКМ.
- Лукашов А.В.**, 1984. Отчет о работе Заволжской экспедиции в 1984 г.// Архив ВОКМ.
- Лукашов А.В.**, 1985. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда экспедиции ВГПИ в 1985 г.// Архив ВОКМ.
- Лукашов А.В.**, 1991. Отчет о работе в 1991 г.// Архив ВОКМ.
- Ляхов С.В.**, 1997. Новые кочевнические погребения и отдельные находки X-XI вв. Нижнего Поволжья// Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов.
- Максимов Е.К.**, 1969. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района// Древности Восточной Европы. М.
- Мажитов Н.А., Рутто Н.Г.**, 1974. Отчет за 1974 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 5500.
- Мамонтов В.И.**, 1967. Отчет о работе археологического отряда ВОКМ в 1967 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1970. Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и ВОКМ в 1970 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1973. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в Ленинском и Калачевском районах Волгоградской области в 1973 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1976. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1976 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1977. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1977 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1978. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1978 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1979. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1979 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 1990. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПИ за 1990 г.// Архив ВОКМ.
- Мамонтов В.И.**, 2000. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский-VII). Волгоград.
- Мамонтов В.И.**, 2000а. Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б// Нижневолжский археологический вестник. Вып.3. Волгоград.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В.**, 1993. Средневековые погребения Царевского курганного могильника// ДВДС. Вып.3.
- Мелентьев А.Н.**, 1967. Отчет Заволжского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР о разведке в Северном Прикаспии// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 3585.
- Мельник В.И.**, 1977. Отчет Питерского отряда Средневолжской экспедиции ИА АН СССР о разведках и раскопках, произведенных в 1977 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 6562.
- Мерперт Н.Я.**, 1967. Раскопки в Нижнем Поволжье// Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.
- Минаева Т.М., Рау П.Д.**, 1926. Отчет об археологических разведках по р.Торгуну в 1924 г.// Труды НВОНОК. Вып. 35. Ч.1. Саратов.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А.**, 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года// Археологические памятники Нижнего Поволжья. Вып.1. М.
- Мыськов Е.П.**, 1983. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда в 1983 г.// Архив ВОКМ.

- Мыськов Е.П.**, 1985. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда в 1985 г.// Архив ВОКМ.
- Мыськов Е.П.**, 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе// ДВДС. Вып.3.
- Мышкин В.Н., Турецкий М.А.**, 1993. Раскопки курганов у х. Трясиновский// ДВДС. Вып.3.
- Нефедов Ф.Д.**, 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.// Материалы по археологии восточных губерний. Т.3.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.**, 1985. Исследование курганов в зоне строительства системы КАРОС на землях совхоза Джангр Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д.№ 34.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.**, 1986. Исследование курганов на трассе канала Волга-Чограй в 1986 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д.№ 43.
- Новожилов В.В., Клепиков В.М.**, 1997. Охранные раскопки в Среднеахтубинском районе Волгоградской области// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.
- Пигарев Е.М.**, 1997. Два погребения кочевников IX-XI вв. на территории Астраханской области// Очерки исследователей Астраханского края (вып. второй). Астрахань.
- Плетнева С.А.**, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А.**, 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи// МИА. № 109.
- Плетнева С.А.**, 1973. Древности Черных клобуков// САИ. Вып.Е 1-19.
- Плетнева С.А.**, 1982. Кочевники средневековья. М.
- ПСРЛ**, 1862. Т.9. СПб.
- Раев Б.А.**, 1979. Каталог археологических коллекций. Новочеркасск.
- Рыбаков Б.А.**, 1982. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.
- Рыков П.С.**, 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.// ИКИИЮВО. Вып.1. Саратов.
- Рыков П.С.**, 1929. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае, произведенные в 1928 году// ИНВИК. Вып.3. Саратов.
- Сергацков И.В.**, 1999. Отчет об археологических исследованиях у села Колобовка в 1999 г.// Архив ВОКМ.
- Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А.**, 2001. Курганный могильник Маляевка V// Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград.
- Синицын И.В.**, 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане// Труды ИИАЭ АН КазССР. Т.1. Алма-Ата.
- Синицын И.В.**, 1966. Древние памятники Саратовского Заволжья// Археологический сборник. Саратов.
- Синицын И.В., Эрдниев У.Э.**, 1971. Элистинский курганный могильник. Элиста.
- Скворцов Н.Б.**, 2000. Охранные археологические раскопки курганного могильника Солянка-I в Николаевском районе Волгоградской области в 2000 г.// Архив ВОКМ.
- Скрипкин А.С.**, 1980. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области в 1980 г.// Архив ВОКМ.
- Смирнов К.Ф.**, 1956. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Чкаловского областного музея в 1956 г.// Архив В.А.Кригера.
- Смирнов К.Ф.**, 1960. Быковские курганы// МИА. № 78.
- Спицын А.А.**, 1895. Отчет о поездке летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города// ОАК за 1893 год.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федорова-Давыдова Э.А.**, 1969. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области// Древности Восточной Европы. М.
- Филипченко В.А.**, 1958. Погребение X в. в Астраханской области у с.Лапас// СА. № 2.
- Флёров В.С.**, 2000. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Хабарова Н.В.**, 1998. Два поясных набора из Заволжья// ДВДС. Вып.6.
- Херрман И.**, 1988. Ruzzi. Forderen liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах "Баварского географа" (первая половина IX в.)// Древности славян и Руси. М.
- Худуд ал-Алем.** Рукопись Туманского, 1930. Л.
- Цуцкин Е.В.**, 1977. Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции КНИИИФЭ и КГУ в 1977 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп. 2, д. № 8.
- Цуцкин Е.В.**, 1982. Отчет о работе археологической экспедиции КНИИИФЭ в 1982 г.// Архив КИСЭПИ. Ф.14, оп.2, д.№ 29.
- Цыбин М.В.**, 1986. Погребения средневековых кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье// СА. № 3.
- Шилов В.П.**, 1956. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском районе Волгоградской области за 1956 г.// Архив ВОКМ.

- Шилов В.П.**, 1957. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Волгоградской области в 1957 г.// Архив ВОКМ.
- Шилов В.П.**, 1958. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Среднеахтубинском и Пролейском районах Сталинградской области за 1958 г.// Архив ВОКМ.
- Шилов В.П.**, 1959. Калиновский курганный могильник// МИА. № 60.
- Шилов В.П.**, 1960. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1960 г.// Архив ВОКМ.
- Шилов В.П.**, 1961. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 2380.
- Шилов В.П.**, 1964. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г.// Архив ВОКМ.
- Шилов В.П.**, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Шилов В.П.**, 1983. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1983 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 9589.
- Шилов В.П.**, 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА РАН СССР и КНИИИФЭ в 1987 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 12351.
- Шишкин П.Н., Ильина А.И.**, 1928. Отчет о раскопках курганов близ хутора Заяры Среднеахтубинского района Нижневолжского края в 1928 г.// Архив ИИМК РАН. Ф.2, д.№ 224.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1970. Отчет о полевых исследованиях Черноярского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970 г.// Архив ИА РАН. Р-1, д.№ 4711.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга// Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1985. Раскопки курганной группы Заханата// Древности Калмыкии. Элиста.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1989. Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области// СА. № 4.
- Шнайдштейн Е.В.**, 1991. Археологические памятники Нижнего Поволжья IX-XI вв. Астрахань.
- Яворская Л.В.**, 1997. Средневековые погребения у пос.Верхний Балыклей// Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып.2. Волгоград.
- Komantseva A.S.**, 1977. Les sepultures nomades tardives du cimetiere de Novonikolskoe// Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Studia Archaeologica. VI. Budapest.

Summary

Ye.V.Krouglov (Volograd, Russia)

Funeral Rite Features of the Oguz from the North Caspian Lowlands of the mid-IXth – mid-XIth cc.

The author describes two groups of sex and age interments, which could be united into one larger rite group on the basis of their common characteristic feature: horse remains, horse skull and extremities, being stacked in the grave filling ups, onto overhead covers, coffin covers, logs, footsteps, and just over human bones, i.e. over the remains of the deceased. Part of the female and infants' burials contain amulets of ethnographic nature – kopoushky (sort of drop-shaped amulets), bird-shaped tabs and pendants.

To the well-known peculiarities of the Oguz funeral rite the author adds his personal observations:

1. Part of burial places have been found out in burial mounds, dunes, Baer's hillocks, which have an oval or slightly stretched out form.
2. There is clear evidence of the beginning of tribal cemeteries formation.
3. More than half of burials turned out to be destroyed already in the ancient times. We can observe skeletons with their legs tied, some bones may be lacking or partially intermingled. The author suggests that these facts can be explained if we recognize the existence of the rite of rendering the deceased harmless among the Oguz.
4. The custom to apply the horse skin with the dead could be considered the core of the Oguz funeral rite. Two variants of this rite could be observed: a joint burial with a horse skin stretched out, i.e. with the stuffed animal, and a joint burial with the animal skin, or else with its imitation, folded up at the legs of the dead.

The author gives evidence that in the period described the Oguzes were at the second stage of nomad life, and raises the question of their readiness to pass to the third stage. He also determines the borders of the territory where the Oguz monuments have been fixed. He comes to the conclusion that it was not the Petchenegs people, but the Oguz who dominated in the region.

The supplement and the tables presented provide the data which characterise the main features of the funeral rites of the nomads in the steppe area of the North Caspian Lowlands from the mid-IXth till the mid-Xth centuries.

**Einige Besonderheiten des Beisetzungsrituals der Ogusen in den Steppen
im Nördlichen Kaspigebiet zweiter Hälfte des IX. – erster Hälfte des XI. Jhs.**

Der Autor unterscheidet zwei Geschlechts- und Altersgruppen der Grabstätten und vereinigt sie in eine große rituelle Gruppe. Als gemeinsame Besonderheit tritt der Brauch auf, die Beigesetzten mit den Pferdeüberresten, Schädel und Gliedmaßen zu begleiten, die in die Verschüttung, auf Decken, Sargdeckel, Holzklötze, Stufen und bloss auf menschliche Reste, d.h. über die Knochen des Verstorbenen, gelegt werden. Ein Teil der weiblichen und Kindergrabstätten wird mit den Amuletten ethnographischen Charakters begleitet – mit Kopuschki (Amulette in Form eines Tropfens), aufgenähten Vogeldarstellungen und Anhängern. Die schon bekannten Besonderheiten des Beisetzungsrituals der Ogusen ergänzt der Autor mit seinen Beobachtungen.

1. Ein Teil der Grabstätten ist in den Hügeln, Dünen, Bärnhöhen (genannt nach dem Forscher K.M. Bär), die ovale oder leicht ausgedehnte Formen haben, entdeckt worden.

2. Es wird der Bildungsanfang von Gentilfriedhöfen gekennzeichnet.

3. Es wird festgestellt, dass mehr als die Hälfte der Grabstätten schon im Altertum zerstört wurden. Die Beine der Skeletten können gefesselt sein, es fehlen einzelne Knochen, ein Teil der Knochen kann vermischt sein. Der Autor schlägt vor, diese Tatsache durch das Vorhandensein des Ogusenrituals zu erklären, den Verstorbenen unschädlich zu machen.

4. Als Basis des Beisetzungsrituals der Ogusen kann der Brauch gelten, den Verstorbenen mit der Pferdehaut zu begleiten. Es zeichnen sich zwei Grundvarianten dieses Rituals aus – die Beisetzung zusammen mit der ausgedehnten Haut, d.h. mit dem ausgestopften Tier, und die Beisetzung mit der an den Füßen gefalteten Haut oder ihrer Imitationen. Der Autor führt die Fakten an, dass sich die Ogusen im 2. Stadium des Nomadenlebens befinden, und spricht ihre Bereitschaft an, zum 3. Stadium zu übergehen. Es wird geschlussfolgert, dass nicht Petschenegen sondern sie (Ogusen) die dominierende Position in der Region hatten. In der Anlage, in den Tabellen werden die Angaben angeführt, die die Hauptbesonderheiten der Beisetzungsrituale der mittelalterlichen Nomaden der Steppenzonen im Nördlichen Kaspigebiet in der zweiten Hälfte des IX. – ersten Hälfte des XI. Jhs charakterisieren.

E.V.Kruglov (Wolgograd, Russie)

**La cérémonie funéraire des Ogouzes du Nord de la mer Caspienne
à la 2-me moitié du IX – la 1-re moitié du XI s.**

L'auteur met en relief deux groupes des enterrements des personnes adultes, en les réunissant en un grand groupe rituel. L'usage de l'accompagnement des morts par les ossements des chevaux, crânes, membres hippiques, lesquels ont été mis dans la tombe au-dessus des restes des morts, c'est-à-dire dans les comblements, sur les couvertures, sur les cercueils et tout simplement sur les ossements des morts est une particularité commune. Une partie des enterrements de femmes et ceux d'enfants est accompagnée d'amulettes d'un caractère ethnographique: les amulettes en forme de goutte, celles en forme d'oiseau, des pendeloques. L'auteur complète par ses observations les particularités des rites funéraires des Ogouzes déjà connus.

1. Une partie des enterrements a été découverte dans des tumulus dunes, monticules de Bar (nommés par le nom du savant allemand). Ces enterrements ont une forme ovale ou un peu allongée.

2. On mentionne le début de la création des cimetières de famille.

3. Plus de la moitié des enterrements est déjà détruite dans l'antiquité. Les squelettes ont les jambes liées, on constate le manque de certains os, une partie d'os peut être entremêlée. L'auteur propose de chercher l'explication de tous ces faits dans la reconnaissance de l'existence chez les Ogouzes du rite de mettre un mort hors d'état de nuire.

4. On peut considérer comme base de la cérémonie funéraire chez les Ogouzes l'usage d'accompagnement d'un mort par la peau d'un cheval. On met en relief deux façons essentielles de ce rite; c'est l'inhumation avec une peau étendue d'un cheval, c'est-à-dire avec l'animal empaillé, et l'inhumation avec une peau pliée d'un cheval, posée aux pieds d'un mort, ou son imitation. L'auteur pose la question sur le fait que les Ogouzes sont prêts à la transition au deuxième stade de la vie nomade. On fait le contour du territoire sur lequel sont fixés les monuments des Ogouzes. On fait la conclusion que ce ne sont que les Ogouzes qui régnaient dans la région et pas les Pétchénegues. Dans les annexes on trouve des tables où on peut trouver les données, qui caractérisent les particularités essentielles des rites funéraires des nomades de la zone de steppes de la contrée basse de la mer Caspienne au Moyen Age, 2e moitié du IX – 1e m. du XI s.s.